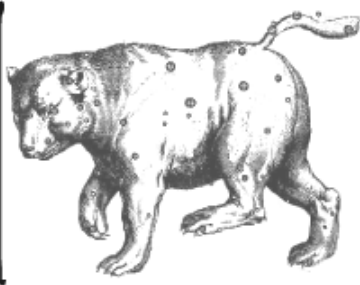

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

№4(23) ОКТЯБРЬ–НОЯБРЬ 2009

АССОЦИАЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА / ЖУРНАЛ-ГАЗЕТА ПИСАТЕЛЕЙ, КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ И КНИГОТОРГОВЦЕВ

Шукшину — 80, а АСПУР — 10!

Этот год был годом юбилеев: 200 лет Гоголю и 195 Лермонтову, 80 лет Шукшину и 210 — Пушкину! Юбилейным стал он и для Ассоциации писателей Урала, которой в этом ноябре исполняется 10 лет. И хотя десятилетие — вовсе не юбилейная дата, мы считаем ее таковой. Прежде всего, потому, что создавалась и начала свою работу Ассоциация на крутом переломе отечественной истории (как тут не вспомнить китайскую мудрость, предостерегавшую: не дай Бог жить в эпоху перемен). На любом переломе, как на войне — год за три считать надо. А нынешний год был и вовсе не простым: мировой кризис усложнил и без того непростые взаимоотношения с теми экономическими, государствен-

ными, общественными институтами, которые все эти годы оказывали Ассоциации посильную поддержку...

Год кризиса один за двадцать лет потянет! В общем, если провести несложную арифметическую операцию, вполне круглая дата получится...

Но дело даже не в юбилее.

Десять лет плодотворной деятельности Ассоциации писателей Урала доказали ее жизнеспособность и необходимость. Сложилась команда единомышленников, поборников процесса объединения писательских сообществ региона и России. Была выработана стратегия совместной деятельности и новые современные формы работы с творческой молодежью, с читателями,

с библиотеками, с учебными заведениями, со всеми кому не безразличны судьбы русской словесности. Разработана и внедрена в жизнь система литературных премий, грантов и других наград. Успешно выходят в свет книжные серии, альманахи и газеты.

Если же вернуться к юбилеям всякого рода, то ведь любой из них — это не только ликование по поводу свершенного, но и время поиска новых путей развития.

Обсуждению всех этих проблем и посвящен очередной выпуск «БМ», приуроченный к очередной конференции Ассоциации писателей Урала, которая проводится в городе металлургов и поэтов — Нижнем Тагиле.

В номере

НАВСТРЕЧУ 10-Й

КОНФЕРЕНЦИИ АСПУР:

ОТ ДИССОНАНСА

К СИМФОНИИ С. 4-6

НОВОСТИ ИЗ РЕГИОНОВ

С. 2-3

ЮБИЛЕЙ ШУКШИНА С. 1-2

ПРОСТО ФАНТАСТИКА:

ПОЛЕМИКА О ЖАНРЕ С. 6-7

НОВЫЕ КНИГИ С. 8

КРИТИКА:

АЛЬМАНАХ СОРОКАЛЕТНИХ

И НОВАЯ КНИГА

Е.ИЗВАРИНОЙ С. 9-10

ДМИТРИЙ МУРЗИН

И СЕРГЕЙ ДОМБАЙ:

НОВЫЕ СТИХИ С. 11-12

ФОРМУЛА КРАСИВЫХ

РЕШЕНИЙ: ЗЕМЛЕ НУЖЕН

ХОЗЯИН С. 13-16

БАРНАУЛ

ЮБИЛЕЙ ШУКШИНА

Отгремели «Шукшинские Дни» на Алтае. Активное участие в праздничных мероприятиях приняли под руководством Галины Колесниковой члены Алтайской краевой писательской организации: Юлия Нифонтова, Владимир Коржов, Иван Мордовин, Александр Карпов, Валерий Тихонов, Алексей Власов, молодые литераторы: Артём Деревянкин, Татьяна Кузнецова, Ирина Швенк. В одной связке с алтайскими писателями насыщенный график выступлений и творческих встреч разделили гости праздника: Нина Ягодинцева (Челябинск), поэт Марина Безденежных (Омск), Александр Кердан (Екатеринбург), Валерий Мурзаков (Москва).

Чтения начались 21 июля с открытия экспозиции «Литературное наследие Алтая» в краевом историческом музее. На следующий день в «Доме писателя» им. В.М. Шукшина взяли старт Малые Шукшинские чтения: «Твой сын Россия», а в Белом зале ГМИЛИКА состоялось Подведение итогов II краевого конкурса среди учащихся средних школ по творчеству В. М. Шукшина.

Эстафета чтений была продолжена у Памятника В.М. Шукшину в Барнауле.

23 июля в фойе краевого театра драмы им. В. М. Шукшина состоялась презентация 8-томного собрания сочинений В. М. Шукшина. На «Литературный перекрёсток» под названием: «Шукшин и вся Россия», где прошла встреча со знаковыми писателями России: Юрием Поляковым, Станиславом Куняевым, Владимиром Крупиним, Иваном Евсеенко и др.

Потом участники чтений переехали в Бийск, где в Центральной библиотеке им. В. М. Шукшина состоялся Круглый стол «Шукшин у каждого свой».

Вечером 24 июля на бульваре Петра Великого с участием военнослужащих кремлевского Президентского полка были открыты бийские Шукшинские чтения. В поэтическом концерте «Родники русской поэзии» приняли участие члены краевой писательской организации и гости шукшинского праздника.

На следующий день писатели выступали перед читателями. В библиотеке села Сростки в программе «На Родине Шукшина» прошла творческая встреча с писателями: Александром Керданом, Галиной Колесниковой, Ниной Ягодинцевой, Юлией Нифонтовой, Татьяной Баймундузовоной, Анатолием Кирилиным, Еленой Безруковой, Салаватом Юзеевым. В селе Смоленское прошли Соболевские литературные чтения, где выступили В. Коржов, М. Безденежных, Д. Шарабарин и С. Донбай. В других сельских библиотеках края, выступили Б. Бурмистров, Г. Рябченко, А.Карпов и другие мастера слова.

Завершились чтения 26 июля грандиозным сценическим действием «Прорваться в будущую Россию» на горе Пикет, в которых помимо известных литераторов приняли участие Губернатор Алтайского края А.Б.Карлин, киноартисты, и творческие коллективы региона. Это памятное мероприятие собрало десятки тысяч паломников со всей России.

Галина КОЛЕСНИКОВА

На фото: С. Куняев на «Литературном перекрестке», писатели в Сростках

БИЙСК

ПРЕМИЯ ВРУЧЕНА

В Бийске состоялась первая церемония вручения новой Всероссийской литературной Премии «Белуха» имени Г.Д. Гребенщикова, которая призвана поддержать региональные литературно-художественные издания. В этом году ее лауреатами стали: в номинации «Лучший журнал 2009 года, посвященный литературе, культуре, истории, современной жизни, делам и людям Урало-Сибирского региона» — редколлегия журнала «Огни Кузбасса» (Кемерово) — главный редактор С.Л. Донбай, ответственный секретарь Д.В. Мурзин, член редакционной коллегии, директор Дома литераторов Кузбасса Б.В. Бурмистров; в номинации «Лучший альманах 2009 года, посвященный литературе, культуре, истории, современной жизни, делам и людям Урало-Сибирского региона» — альманах «Тобольск и вся Сибирь» (Тобольск) — генеральный директор издательского проекта А.Г. Елфинов, главный редактор Ю.М. Лощиц, главный художник А.Ф. Быков, в номинации «Просветительская деятельность» — Буланичев Виктор Васильевич (Бийск). Дипломы премии получили литературно-художественный альманах Ассоциации писателей Урала «Чаша круговая» (Екатеринбург) — редакционная коллегия: А.Б. Кердан, А.Б. Титов, Н.И. Коняев; альманах писателей Югры «Эринтур» (Ханты-Мансийск) — главный редактор Н.И. Коняев; журнал писателей России «Сибирь» (Иркутск) — главный редактор В.В. Козлов; международный литературно-художественный журнал «Всерусский собор» (Санкт-Петербург) — главный редактор В.И. Шемшученко, директор проекта В.Е. Розе.

Соб. информ.

ЕКАТЕРИНБУРГ

ПИСАТЕЛЬ СТАЛ ДОКТОРОМ

Новым почетным доктором Уральского государственного университета имени А.М. Горького стал известный писатель и общественный деятель Альберт Лиханов. В 1958 году он окончил этот университет и получил диплом журналиста. Потом были долгие годы работы редактором Кировской молодежной газеты «Комсомольское племя», журнала «Смена», руководство Всероссийским Детским Фондом. Избрание почетным доктором в университетах от Тюмени до Токио, академиком Российской Академии образования. И вот наконец — признание в альма-матер.

Представляли А. Лиханова ученому совету университета президент Тюменского университета и писатель Г. Куцев, ректор Уральского политехнического университета С. Набойченко, сопредседатель правления Союза писателей России А.Кердан. В частности, он заметил, что сегодня немало писателей, которые в своих книгах призывают служить добру, ратуют за справедливость, но совсем немного таких, кто выйдя за порог своего кабинета, подаст милостыню нуждающемуся, поможет больному ребенку. Альберт Лиханов — из таких. Помимо помощи больным детям, Фонд, возглавляемый им выпускает роман-журнал для школьников «Путеводная звезда», в котором опубликованы произведения многих писателей-уральцев. Под аплодисменты собравшихся ректор УрГУ Д. Бугров, кстати, тоже имеющий к писателям Урала некоторое отношение (его отец Виталий Бугров был известным редактором отдела фантастики в журнале «Уральский следопыт») вручил Альберту Лиханову диплом почетного доктора.

Кроме того, в этот же день состоялась рабочая встреча Альберта Лиханова с председателем правительства Свердловской области Виктором Кокшаровым, на которой были достигнуты договоренности о поддержке деятельности Фонда на Среднем Урале. Также достигнуто соглашение с представителями Всероссийского Детского Фонда и у Ассоциации писателей Урала. Альберт Лиханов и Александр Кердан договорились о ряде совместных акций по воспитанию молодежи, шефской помощи детям-сиротам.

Александр БОРИСОВ

ОСА, ПЕРМСКИЙ КРАЙ

ДВЕ КНИГИ В ГОРОДСКУЮ БИБЛИОТЕКУ

В городском доме культуры состоялись друг за другом представления новых книг, выпущенных в свет Санкт-Петербургским издательством «Маматов». Участие столичного издательства в данных проектах не случайно. Его возглавляет уроженец Осы, член Союза писателей Ильдар Маматов, не прерывающий связей с родным городом.

Вот и на этот раз он привез землякам тиражи новых книг: «В чужой стране, в чужом краю, на выжженной земле...» и «Дорога длиною в девяносто лет». Первая книга — это воспоминания, дневники, лирика ветеранов боевых действий в республике Афганистан, живущих в Осинском районе. Она вышла в свет по инициативе местных «афганцев», которых возглавляет Валерий Занин. Вторая — посвящена истории Осинского педагогического училища, которое Маматов когда-то с отличием закончил.

В представлении книг приняли участие руководители города и района, учащиеся кадетских классов местной школы, ветераны боевых действий, а так же координатор Ассоциации писателей Урала Александр Кердан и исполнительный директор Фонда Владислава Крапивина Сергей Аксененко, в прошлом — командир горно-пехотного батальона в ДРА. Звучали стихи и песни об Афганской войне, выступали авторы обеих книг.

В ходе презентаций обе книги были переданы во все библиотеки учебных заведений города.

Соб. информ.

ГЕЛЕНДЖИК, КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ

ОЧАРОВАНИЕ ТВОРЧЕСТВА

22 июня на площади у кинотеатра «Буревестник» в Геленджике открылся XII Всероссийский конкурс-фестиваль детского и юношеского литературно-художественного творчества «Дети и книги». Членами жюри в номинациях: «Проба пера», «Очарование поэзии», «Юные художники», «Альбом памяти» выступили поэты и прозаики, художники и сотрудники музеев: А. Б. Кердан, В. В. Портнов, Г. В. Великовская, А. Баженова, Г. Д. Певцов, Л. У. Звонарёва, А. К. Кожедуб.

Пять дней работы фестиваля были наполнены обсуждением рукописей, творческими встречами, экскурсиями. 27 июня на сцене Большого зала Дворца культуры состоялось подведение итогов, где вместе с дипломами победителям были вручены солидные денежные призы и подарки.

После завершения конкурса группа писателей отправилась во Всероссийский детский центр «Орлёнок», где в библиотеке с точным названием «Аптека для души», возглавляемой замечательной Брониславой Фёдоровной Ядревской, состоялись встречи — со старшими вожатыми лагерей, с ребятами. И снова звучали стихи, песни. И снова радостно ощущалась необходимость творчества.

Елена МИХАЙЛЕНКО

НИЖНЕВАРТОВСК

ЭКСПЕДИЦИЯ ПИСАТЕЛЯ

Весной и летом 2009 года писатель и исследователь Валерий Михайловский с группой единомышленников совершил экспедицию, посвященную 100-летию Нижневартовска, по маршруту: «Байкал — Самотлор». На маршруте протяженностью 3000 километров писатель изучал возможные пути расселения коренных жителей, в том числе финно-угорских племен в Обско-Енисейских водораздельных территориях, знакомился с историей возникновения, а также использования Обско-Енисейского канала, как торгового пути в 19 веке, проводил наблюдения о прохождении радиоволн в северных широтах. Одной из прикладных задач экспедиции стала разработка туристического маршрута по заданию туристической фирмы «СибИнТур», проявляющей интерес к развитию внутреннего туризма.

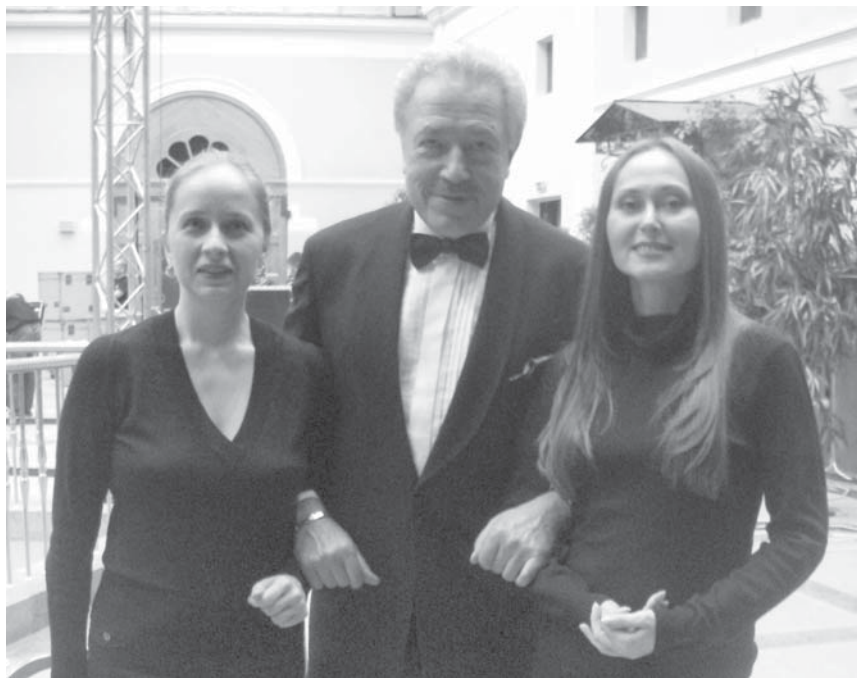
Это далеко не первая экспедиция Валерия Михайловского. На этот раз ему сопутствовали мастера по радиоспорту: Валерий Нестеров и Петр Третьяков. В экспедиции они встречались с местными жителями. Валерий Михайловский подарил им книги о Ханты-Мансийском округе. Так же он ежедневно вел дневник, который ляжет в основу новой краеведческой книги.

Соб. информ.

МОСКВА

НАШИ НА ТЕЛЕКАНАЛЕ «КУЛЬТУРА»

Солистка концертной группы Ассоциации писателей Урала, лауреат Всероссийских и Международных конкурсов и премий Яна Чабан и ее концертмейстер лауреат международных конкурсов Елизавета Шубина приняли участие в записи телепрограммы «Романтика романса» на телеканале «Культура», посвященной творчеству братьев Покрасс. Запись проходила в здании музея имени А. С. Пушкина на Пречистенке в Москве. Вел передачу известный музыковед, член Союза писателей, критик Святослав Бэлза. Он высоко оценил исполнительские мастерство певицы, проведя параллель с творчеством Аллы Баяновой, Изабеллы Юрь-

евой, Александра Вертинского. Стоит отметить, что Яна Чабан, первой из уральских исполнительниц удостоилась права участия в такой престижной передаче. И она не подвела ожидания режиссера программы Аллы Гончаровой и слушателей, заполнивших зал. Искушенные столичные зрители встретили исполнение романсов «Две розы» и «Дни за днями катятся» криками «Браво» и аплодисментами. Трансляция передачи ожидается в двадцатых числах ноября сего года.

Анна АРЕФЬЕВА

ОРЕНБУРГ

НЕУБИТЫЙ ПУШКИН

6 июня у памятника Пушкину и Даю в Оренбурге прошло большое поэтическое состязание «Молодые голоса», посвященное «нашему всему».

Александр Сергеевич Пушкин, которому в этот прекрасный солнечный день исполнилось бы 210 лет, свои стихи, увы, прочесть не мог. За него это с большим чувством преклонения перед величием гения сделали поэты Оренбургского отделения Союза российских писателей (СРП) и «несоюзная» молодежь. Так решили организаторы турнира — министерство культуры области и отделение СРП: сначала читаем стихи Пушкина, а уж после — свои. Председатель отделения СРП Вячеслав Моисеев, открывая турнир, прочел пушкинского «Пророка», и потому случилась историческая рифма: именно это стихотворение на открытии памятника Пушкину в Москве в 1880 году читал Достоевский.

Затем к микрофону стали выходить и молодые, и нестарые оренбургские поэты. Лично я еще раз убедился, что участница Всероссийского совещания молодых писателей в Сургуте в апреле 2009-го Анастасия Бугрышева (известная в Сети как Лимонная Кошка) пишет очень хорошие стихи и имеет все шансы однажды завоевать престижную премию. Открытием для меня стала Екатерина Смитиенко и сборник ее стихов «От пятницы до пятницы», выпущенный в серии «Новые имена» Оренбургским отделением Союза российских писателей. Я даже пытался извлечь Екатерину Александровну из-за туи, где она пряталась, стесняясь предстать перед народом. Прочла двух «Ангелов» — Пушкина и своего — Инна Игнаткова (участница двух Всероссийских совещаний — в Каменске-Уральском и в Сургуте). Попутно заявив, что Александр Сергеевич ее бы не простил, если б она не пришла на эти чтения.

Георгий Румянцев, победивший в этом году в областном литературном конкурсе «Оренбургский край — XXI век» в номинации «Автограф» и потому получивший диплом и карт-бланш на издание отдельного сборника в одноименной серии, покорила публику артистичным чтением своих стихов — Нижегородское театральное училище дает о себе знать! Снова удивил «ветеран» и выпускник Литинститута имени Горького Иван Малов, выпустивший с десяток книг: я не представлял его в роли столь мощного оратора и чтеца. Прекрасно прочел и пушкинские, и свои стихи Юрий Селиверстов, начинавший трудовую биографию в середине 1980-х как диктор оренбургского радио.

Было много молодежи, причем и той, что примыкает к местному отделению СРП, и той, что ходит на литобъединение имени Даля к члену Союза писателей России Геннадию Хомутову, отметившему 10 мая свое 70-летие...

Все это радует, ибо, как сказал Александр Блок, «наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин». И я совершенно не понимаю людей, которые относятся к Пушкину как к бронзовой фигуре со склоненной головой, как к фетишу с бакенбардами.

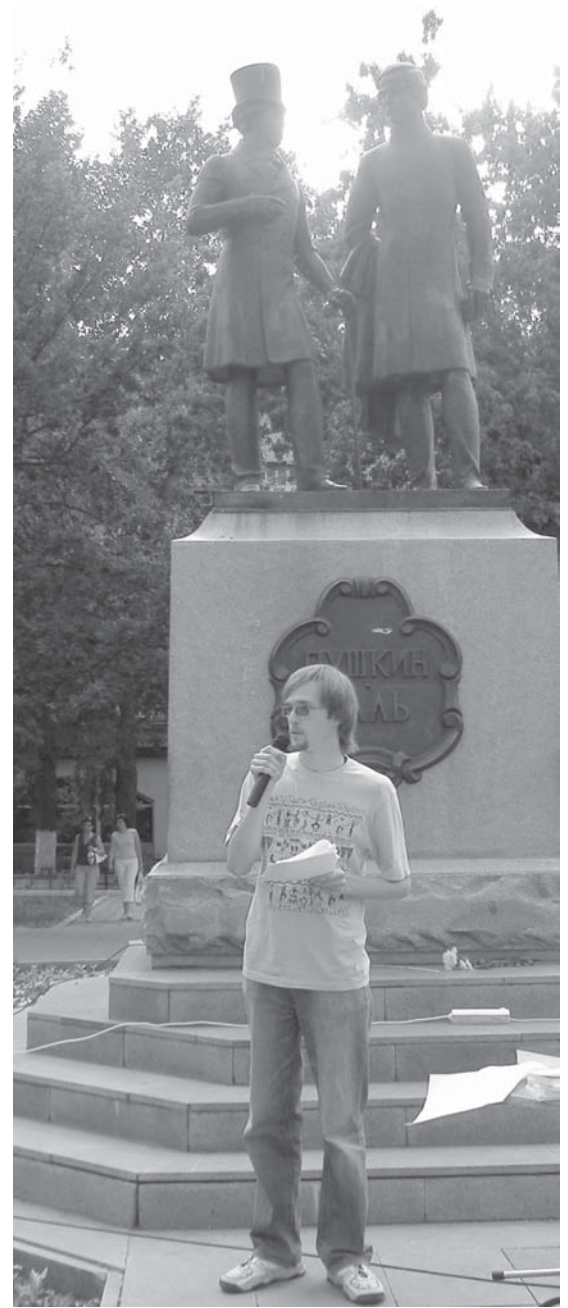
Это всё неправда. Он веселый и живой.

Александр Сергеевич стал, сам того не зная, родоначальником современного русского литературного языка. И пока жив наш язык, мы всегда — подчеркиваю: всегда — будем относиться к Пушкину с пиететом. А потому и язык наш вечно живой, как Пушкин, и убить его невозможно. Даже если выстрелить из пистолета системы Лепажа в грудь великому поэту.

Что же касается поэтического состязания в Оренбурге, то победителей в нем не было. Победила, как вы понимаете, Поэзия.

Леонид МАСЛОВ.

На снимке: На фоне Пушкина и Даля читает стихи поэт Владимир Крун. Фото Вячеслава Моисеева

ОТ ДИССОНАНСА К СИМФОНИИ

Доклад координатора АСПУр А.Б. Кердана на 10-й конференции Ассоциации писателей Урала

Для чего создавалась Ассоциация?

Вопрос о создании некоей объединяющей структуры возник у писателей Екатеринбурга еще в середине 90-х годов прошлого века. По-моему отправной точкой надо считать одно из традиционных застолий в Доме писателей на Пушкина, 12, где за одним столом, рука об руку, оказались поэт-фронтовик Венедикт Станцев и фронтовик-документалист Юрий Левин — два давних друга и члены разных творческих союзов: Союза писателей России и Союза российских писателей. Не вспомню, чему было посвящено застолье, то ли Дню Советской Армии (тогда еще не притерпелись к новому названию этого праздника), то ли Дню Победы (который, слава Богу, остался без переименования), но все собравшиеся и главным образом сами фронтовики смеялись над своим абсолютно условным разделением. Как-то сама собой возникла тема необходимости возвращения к единому писательскому союзу: ведь и празднуем и горюем мы, писатели провинции, вместе. Нет у нас и переделькинских дач — вечного повода для московских околотических склок. Нет и другой собственности, как предмета для раздоров и дележки. И по духу то мы, уральцы, патриоты и край наш — становой хребет Державы...

Но одно дело разбежаться по разным углам, другое — снова собраться вместе. Сразу же нашлись оппоненты этому стремлению и аргументы для оппонирования. Вот тут у нас с Владимиром Блиновым и родилась идея новой структуры — Ассоциации, позволяющей писателям, оставаясь членами своих писательских союзов, объединяться, двигаться вперед.

Конечно, и разговор за праздничным столом, и сама идея Ассоциации писателей Урала (АСПУр) были предопределены той ситуацией, которая сложилась и в стране, и в творческих союзах. Социально-экономические перемены в России поставили центральные органы основных писательских объединений, как и сами объединения в труднейшее положение: воюя за собственность, отстаивая свои принципы, удовлетворяя амбиции тех или иных лидеров, правления наших союзов на достаточно долгое время оставили без внимания многие провинциальные организации, особенно, далекие от столицы территориально. Достаточно привести несколько примеров: многие руководители областных писательских организаций годами не приглашались на пленумы СП, в московских издательствах перестали публиковать книги даже таких известных авторов, как В.Крапивин, В.Потанин, А.Решетов. Более десяти лет ни один из писателей-уральцев не получил ни одной всероссийской премии и т.д.

И главные центральные правления не осуществляли свою основную задачу — стратегическое планирование и координацию деятельности организаций, входящих в творческие союзы. И хотя «провинциалы» продолжали работать, бороться с трудностями, издавать книги, но были разобщены, лишены поддержки сверху, не координировали свои усилия. Все это предстояло взять на себя АСПУр.

Насущными представлялись: а) выработка стратегии дальнейшего развития писательского сообщества в новых социально-экономических условиях; б) определение современной тактики действий региональных писательских организаций; в) формулирование внятной книгоиздательской политики в условиях рынка; г) организация деятельности по социальной адаптации и защите писателей и другие мероприятия. В первую очередь, конечно, работа с литературной молодежью (сами писательские организации на тот момент были организациями шестидесятилетних-семидесятилетних литераторов...).

Повторюсь и подчеркну еще раз, в условиях потери связи с центром и с соседними регионами все эти задачи и должна была решить наша Ассоциация. Она была создана на учредительной конференции в ноябре 2000 года, на которую прибыли представители Челябинской, Свердловской, Ханты-Мансийской, Пермской областных организаций Союза писателей

России и Тюменской ассоциации литераторов. Учредительные документы подписали: Николай Коняев, Анатолий Белозерцев, Александр Кравцов, Владимир Блинов и Федор Востриков. Координатором АСПУр был избран Александр Кердан.

Должен, справедливости ради, заметить, что даже у тех, кто тогда основал Ассоциацию, ее жизнеспособность первоначально вызвала сомнения. Тем не менее, за десять лет нашей совместной работы эти сомнения развеялись окончательно.

Что удалось сделать?

Прежде всего, была разработана концепция деятельности АСПУр на ближайшую и дальнюю перспективы. Главной концептуальной задачей мы считали воссоздание единого литературного пространства, активизацию литературного процесса в регионе, восстановление творческих связей между всеми его участниками: писателями, читателями, книгоиздателями, библиотекарями, критиками, редакциями толстых журналов и т.д.

Приоритетными были названы четыре стратегических направления работы: интеграция; книгоиздание; социальное стимулирование писателей; воспитание литературных кадров.

Были определены наши стратегические партнеры и союзники, а именно:

- государственные органы и учреждения, в том числе управления и отделы культуры субъектов РФ и муниципалитетов;
- учреждения культуры: библиотеки, литературные музеи, дома культуры и т.д.;
- образовательные учреждения;
- Русская Православная церковь;
- общественные организации, союзы, фонды: Союз офицеров запаса, Союзы ветеранов боевых действий, Фонд Владислава Крапивина, литературные объединения, общества книголюбителей и т.д.

— частные лица и меценаты.

Что же удалось сделать за прошедшее десятилетие?

Первое и главное, на мой взгляд, это то, что сложилась команда единомышленников, поборников деятельности АСПУр, как в самой писательской среде, так и среди упомянутых партнеров и союзников. Всех энтузиастов и подвижников нашей организации назвать не просто, но некоторые имена, несомненно, заслуживают упоминания. Это — Арсен Титов, Николай Коняев, Валентина Ерофеева-Тверская, Вячеслав Моисеев, Татьяна Соколова, Галина Колесникова, Валерий Фокин, Юрий Дворянин, Валерий Михайловский, Сергей Аксенов, Яна Чабан, Евгений Бунтов, Елизавета Шубина, Александр Овсянников, Салим Фатыхов, Вячеслав Погудин, Юрий Гаркуль, Василий Быковский, Нина Ягодинцева, Леонид Быков, Геннадий Иванов, Юрий Устенко, Александр Шалобаев, Дмитрий Мизгулин и многие, многие другие.

Во-вторых, на разных уровнях (от государственных органов власти до центральных правлений писательских союзов) состоялось признание Ассоциации, как знакового, уникального явления, не имеющего аналогов в России. Подтверждением этому служит участие первых лиц субъектов РФ, руководителей общероссийских писательских союзов, глав муниципалитетов в работе наших конференций, в совещаниях молодых писателей, проводимых нами. Думаю, фактом такого признания стало избрание сопредседателя АСПУр Арсена Титова в состав сопредседателей Союза российских писателей, а Александра Кердана — в состав сопредседателей Союза писателей России. И, наконец, притягательность нашего интеграционного опыта не только позволила Ассоциации из уральской стать сначала урало-приволжской, а в дальнейшем и урало-приволжско-сибирской, увеличив число своих коллективных членов с 5 до 19 организаций (двадцатая организация — Томская, надеюсь, будет принята в АСПУр на этой конференции). Этот пример побуждает наши общероссийские союзы создать подобную Ассоциацию в масштабе России. Насколько это удастся осуществить, покажет время. Но в решении последнего съезда Союза писателей России такой пункт есть.

В-третьих, самой лучшей агитацией за АСПУр являются ее реальные дела. Успехи есть в каждой из названных стратегических направлений. Об интеграции уже сказано. Вспомним о других свершениях.

Во многом благодаря АСПУр, в регионе налажена целостная система подготовки литературных кадров. За десять лет нашей работы проведено 2 всеуральских и 4 всероссийских совещания молодых писателей. Очередное всероссийское совещание молодых писателей, по благословению нашего многоуважаемого коллеги и друга Владыки Димитрия, Архиепископа Тобольского и Тюменского запланировано на май следующего года. Оно будет приурочено к дням славянской письменности и пройдет в духовном центре Сибири — Тобольске.

Для любителей статистики замечу: через проведенные АСПУр совещания прошло более 400 талантливых молодых поэтов и прозаиков. Около 40 из них были рекомендованы и стали членами Союза писателей России и Союза российских писателей. У пятидесяти по рекомендации совещаний вышли в свет первые книги, произведения подавляющего большинства семинаристов опубликованы в различных сборниках и альманахах. Конечно, работа с молодыми литераторами не укладывается ни в какие цифры. Это, в общем-то, в каждом случае индивидуальный процесс творческого роста. Но и с этой точки зрения, есть примеры просто замечательные. Алексей Иванов из Перми, Наталья Поляченкова из Кемеровской области, Наталья Куваева из Сургута, Николай Семенов (Вячеслав Коркодинов) из Нижнего Тагила, Алексей Лукьянов из Соликамска не только стали членами профессиональных союзов, но и получили заметное признание в своих регионах и в России. Примеры того, что наши совещания — достойный трамплин для талантливой молодежи, можно продолжить...

Однако, было бы неверным, говоря о системе работы с молодежью в регионе, не сказать, что существуют и другие формы этой деятельности. Уже несколько лет действует литературное отделение при ЕГТИ, которое возглавляет Юрий Казарин (совершенно уже несколько выпусков). Активно работают областные и городские литобъединения в Челябинске (руководитель — Нина Ягодинцева), в Перми (Федор Востриков), в Полевском (Анатолий Азовский), в Оренбургском университете (Вячеслав Моисеев), в Кургане (В.Ф. Потанин), в Тюменском государственном университете, (В.П. Крапивин). Важно, что сложилась замечательная сцепка: литературные объединения — это своего рода трамплин для выхода на уровень областных и всероссийских совещаний молодых, но и совещания стали играть роль стимулятора работы с творческой молодежью в регионах. И еще, конечно, они позволяют литературной молодежи узнавать друг друга, устанавливать творческие и человеческие свя-

зи, которые станут фундаментом будущего литературного ландшафта.

Новой формой работы в этом направлении стал обмен молодежными делегациями между организациями, входящими в АСПУр. В прошлом году свердловчане, омичи и оренбуржцы побывали в Тобольске, где их гостеприимно принял Фонд «Возрождение Тобольска», возглавляемый Аркадием Елфимовым, а затем через месяц встретились на оренбургской земле. Беспрецедентным является тот факт, что на грант полученный Вячеславом Моисеевым для издания первых книг молодых авторов его региона издан первый сборник молодой поэтессы из Омска. Это ли не пример для подражания?

Можно сказать, что АСПУр — это испытательный полигон, своеобразная лаборатория форм литературной работы. Зародившись в Екатеринбурге, стали традиционными и в других городах и весях Урала и Сибири и «творческие десанты», и поэтические марафоны. Уже второй год в Барнауле колесит поэтический трамвай, а «поэтические дуэли», как форма соревнования поэтов, рожденные пермяками, подхвачены в других местах. В разных городах действуют интеллектуальные клубы, созданные по примеру екатеринбургского. На их заседаниях происходят жаркие дискуссии между писателями, учеными, политиками, бизнесменами, формируется новая интеллектуальная элита региона. И это тоже во многом заслуга нашей Ассоциации.

Еще одним важным направлением работы является книгоиздание. Понимаю, что в условиях рынка нам трудно тягаться со столичными издательскими монстрами, основную ставку мы сделали на издание книжных серий. Многие из них у вас давно на слуху: «Библиотека поэзии (прозы) Каменного пояса», «Мой исторический роман», «Марафон», «Визитная карточка поэта», «На разных языках». Одним из последних проектов стала «Библиотека российской поэзии», учрежденная нами совместно с Союзом писателей России и Санкт-Петербургским издательством «Маматов». Во всех этих сериях издано в целом больше ста книг.

Знаковым событием для нас стало учреждение в этом году собственным издательством «АСПУр» (директор Светлана Шангина), в котором уже вышли в свет первые книги стихов и прозы уральских литераторов.

Еще одним ярким примером единства слова и дела является альманах Ассоциации «Чаша круговая», где помимо стихов и прозы писателей Урала, Поволжья и Западной Сибири, публикуются мемуары, литературная критика, переводы. Он особенно важен сегодня, когда, тиражи книг, издаваемых в регионе, составляют от 100 экземпляров до тысячи — сборники стихов; от пятисот до двух-трех тысяч — книги прозы.

Четыре года выходит в свет газета-журнал АСПУр «Большая медведица». «БМ» — издание необычное, выступающее своеобразным мостом между писателями, книгоиздателями, книготорговцами и читателями. Такая газета нужна и учителям русского языка и литературы, которые жалуются на отсутствие региональных хрестоматий, и ученым-филологам, и, конечно, всем любителям русской литературы. Издание газеты — дело хлопотное, подвижническое и по сути своей бескорыстное. В связи с этим слова признательности заслуживают люди, активно сотрудничающие с «БМ» и выпускающие ее в свет. Это — Юрий Бриль, Андрей Якубовский, Нина Ягодинцева, Андрей Расторгуев, Вадим Осипов, Андрей Шупов, Марина Макарова и другие.

Большое внимание уделялось нами социальной поддержке писателей. Два года назад нами учреждена медаль «За служение литературе». Ею награждены 42 писателя и общественных деятеля. Замечательными стимулами и знаками общественного признания стали для наших поэтов, прозаиков, краеведов и критиков литературные премии, среди которых: Всероссийская литературная премия имени Д.Н. Мамина-Сибиряка, Международная премия Владислава Крапивина, премия «Урал промышленный — Урал полярный». За прошедшие годы этих наград удостоено более 50 писателей, а два десятка юных литераторов получили гранты от Фонда Владислава Крапивина (исполнительный директор Сергей Аксененко). В этом году совместно с Литературным Фондом России и Союзом офицеров запаса Свердловской области (председатель, депутат Свердловской областной Думы Ринат Садриев) нами учреждена Международная литературная премия «Честь и Отечество», первая церемония вручения которой состоится сегодня.

Что не получилось?

Разговор о недостатках, это — не ложка дегтя в бочку праздничного меда, а необходимая рефлексия, позволяющая проанализировать причины нереализованных планов и подумать о перспективах.

Самый болезненный вопрос: нам не удалось добиться принятия Закона о творческих союзах или хотя бы заключения долговременных соглашений о сотрудничестве АСПУр с субъектами РФ. Несколько лет тому назад казалось, что подобные перспективы у нас есть. Так, в 2006 году Губернатор Челябинской области П.И. Сумин после встречи с писателями Урала дал поручение областным законодателям подготовить проект подобного регионального закона. Увы, это не было осуществлено. У нас существовало подобное соглашение о сотрудничестве АСПУр с Пермским краевым управлением культуры и Департаментом информационной политики ХМАО-Югры. Но в связи с экономическим кризисом и со сменой руководства в этих управлениях соглашения оказались расторгнуты. Теперь каждый год приходится выстраивать отношения с субъектами Федерации и муниципалитетами, как бы заново. Это, увы, не добавляет оптимизма, и отнимаем много времени и сил.

Второй проблемой является отсутствие кадрового резерва и в самой АСПУр, и в организациях, входящих в нее. Каждый из председателей региональных организаций знает, как трудно подыскать подходящую кандидатуру на руководящую работу. Конечно, незаменимых людей нет, но подготовить себе достойного преемника — обязанность всякого руководителя, пекущегося о порученном ему участке работы.

Недостатком является и малая вовлеченность в работу АСПУр писателей на местах. Хотя мы и меняем географию проведения конференций, вручения литературных премий, основная масса членов писательских организаций остается вне этих мероприятий и даже не проинформирована о них.

Тревожит и пассивность отдельных коллективных членов нашей Ассоциации. Во многом она опирается в уже упомянутый кадровый вопрос, но кое-где приобретает и морально-нравственную окраску — выглядит потребительством и элементарной ленью. Месяцами не выходят на связь Анатолий Белозерцев, Кирилл Шишов, Николай Шамсутдинов, Елена Козлова, от случая к случаю вспоминают об АСПУр кемеровчане и Кировчане. Возникает вопрос: для чего, коллеги, вы рвались, просились в Ассоциацию? Если для того, чтобы работать, так давайте будем работать. Ассоциация строится по принципу общего дела — каждый привносит в нее что-то свое, а не ждет, когда за него что-то сделают другие. Был же два года назад на конференции в Муравленко пример исключения из состава АСПУр Ульяновской писательской организации, как утратившей связь с Ассоциацией. Думалось, что он окажется поучительным. Увы, нет.

И, несомненно, прав Николай Коняев, который на прошлой конференции в Нижневартовске призвал всех честнее относиться к делам Ассоциации. Конечно, сегодня у наших организаций в разных регионах несопоставимые условия работы. Нельзя даже сравнить положение писателей в кемеровской и в пермской организациях, в Республике Коми и в Кировской области... Скажем, по-человечески можно понять кемеровчан: им при поддержке Губернатора Амана Тулеева живется неплохо: и дом на областном балансе, и журнал издается, и гонорары платятся... Но ведь для того мы и объединились, чтобы сильные помогли нуждающимся, чтобы, даже в самые трудные времена, не прервался литературный процесс.

Подобных примеров самоотверженности у нас мало. Тот же Николай Иванович Коняев и остальные писатели Ханты-мансийского автономного округа в этом году находились в очень сложных экономических условиях, однако добились выделения средств не только на свой альманах «Эринтур», но и на нашу общую «Чашу круговую». Сургутские писатели смогли, пожертвовав дотациями, выделенными им, принять в этом году Всероссийское совещание молодых писателей, а Валентина Юрьевна Ерофеева-Тверская буквально за свой счет привезла туда молодых омичей. Салим Галимович Фатыхов передал на нужды АСПУр свои книги на сумму равную окладу солидного чиновника в областном министерстве. По сути дела, всегда бескорыстно выступают на мероприятиях Ассоциации солистка концертной группы Яна Чабан и ее концертмейстер Елизавета Шубина. Жертвуя лич-

ной выгодой, издают наши книги Ильдар Маматов и Лана Шангина... Эти примеры только подчеркивают негативную позицию тех руководителей, кто в нарушение устава Ассоциации, не может в течении года внести смехотворно малый коллективный взнос в ее фонд. И все это, не смотря на ежегодные увещевания и уговоры. И наконец, есть просто конкретные дела, которые нам не удалось осуществить из-за недостатка финансирования. Это совещание писателей стран ШОС, налаживание международных связей с писателями Китая, Канады, Чехии...

Есть ли будущее у АСПУр?

На фоне десятилетия нашей организации этот вопрос может показаться даже кощунственным. Но не поставив его было бы нечестно.

Десять лет — не только время побед, но и утрат, период угасания энтузиазма тех, кто создавал Ассоциацию, время усталости, если хотите, самой объединительной идеи. Да, сегодня уже не вызывает сомнения, что АСПУр оправдала себя, помогла писателям большого региона осознать свою самобытность, уникальность и, если хотите, самодостаточность. Разрастание Ассоциации вширь, как было сказано выше, конечно, свидетельствует о накопленном ею символическом капитале, но, с другой стороны, ведет к ослаблению горизонтальных и вертикальных связей, размывает общую структуру, делает менее осуществимыми общие планы.

Не сулят благостных перемен и внешние условия. Очевидно, что экономический кризис продолжится, что тоже усложнит реализацию задуманного.

Изменяется и лицо органов государственной власти, с которыми нам приходится сотрудничать. К руководству приходит новый тип управленцев — типаж западного менеджера, те самые «образованцы», о которых горько говорили Александр Исаевич Солженицын и Валентин Григорьевич Распутин. Это молодые или очень молодые люди, не прошедшие школу жизни, не понимающие значение для россиян слова писателя и государственной необходимости самого писательского труда.

Сужается социальное поле, на котором мы можем быть услышаны, где сумеем применить свой дар. В школе русская литература (не говоря уже об ее региональном компоненте) отодвинута на задворки. Исчезает книжная культура, вытесняемая культом Интернета. В электронных СМИ писатель все более становится фигурой «нон грата». Катастрофически уменьшились тиражи толстых журналов и т.д. и т.п.

Но уныние — грех. Выход есть. Он видится в поиске новых смыслов, новых форм деятельности Ассоциации писателей Урала.

И, прежде всего, в поиске симфонии с властью. На протяжении многих лет мы говорим о государственном служении отечественной литературе. И этому принципу не изменим. Симфония, на наш взгляд, заключается в социальном партнерстве по целому ряду проблем. Во-первых, сотрудничество в вопросе нравственного, культурного воспитания молодежи, школьников, студентов, военнослужащих; во-вторых, совместная борьба с искажением отечественной истории, а в год 65-летия Победы — это и совместное отстаивание правды о Великой Отечественной войне; в-третьих, конечно, это стремление к дальнейшему сплочению славянских народов, консолидации всех народов и народностей, населяющих Россию; в-четвертых, это диалог о путях дальнейшего развития нашей страны. И, наконец, это поиск законодательного разрешения проблем дальнейшей деятельности творческих союзов.

Представляется необходимым продолжения партнерства во всех этих вопросах с Русской Православной Церковью и с другими общественными институтами, занимающими державно-патриотические позиции.

В условиях малобюджетного финансирования возможен переход к проведению Интернет-конференций, активизации электронного обмена книжно-журнальными новинками. Немаловажным становится продолжение работы по формированию своего читателя, воспитанию литературной смены. Здесь, как говорится, все формы хороши: начиная от встреч с читателями, «круглых столов», до поэтических марафонов и т.д. Надеюсь, что в выступлениях участников конференции будут предложены и другие пути активизации работы нашей Ассоциации и приглашаю всех к этому диалогу.

БУДУЩЕЕ И ТРАДИЦИИ

Тема сегодняшней беседы — фантастика, и это немного странно. Потому что, если честно, фантастики давно нет, и говорить нам вроде бы не о чем. То есть, фантастика, конечно, не умерла, она попросту переродилась в явь. И бессмысленно ахать и восторгаться, как здорово все было предсказано. Увы, способностей Нострадамуса зачастую не требуется, чтобы выдать в качестве прогноза очередную эвтюпию. Все, что ни делается, — все к лучшему! Но это в личном плане, а с человечеством дела обстоят с точностью до наоборот. Во всяком случае, всевозможных вариантов антиутопий на сегодняшний день предложено столько, что впору припоминать тактику страусов. К слову сказать, современные психотерапевты такую и пропагандируют на всех углах. Их можно понять. Впускать в себя будущее столь же опасно, как воспринимать ежедневно все зло, совершаемое на земле. То есть, злато хватало всегда, но если раньше оно тлело и громыало где-то вдаль — за неведомыми горизонтами, сегодня силами прессы, радио и телевидения натюрморт ужасов услужливо доносят до людского сознания. В каждый отдельно взятый город, в каждую квартиру. Конечно, новости могут быть разными — смешными, добрыми, удивительными, но оказалось, что вместо затейливой палитры

проще ошарашивать однозначно черным и страшным. Поскольку это рейтинг и это тираж. Ну, а недостатка в страшном на нашей многомиллиардной планете никогда не было. Катастрофы, пожары, войны, цунами — все превратилось в острую приправу к суетным будням. Самое ужасное, что и к этому, как выяснилось, можно привыкнуть! Все равно как к никотину и пиву. В итоге приходится наблюдать стремительное возрастание степени индифферентности. В том числе и по отношению к литературе. Давайте, наконец, признаем: обилие и многовариантность вовсе не означают свободу выбора. Перед нами всего лишь новые условия медийного бытия, которые ставят новые рамки — возможно, более жесткие и нелюбимые. Лабиринт Минотавра разросся — только и всего, а вот количество чудовищ в нем разномножилось до неимоверного количества. Все равно как количество рептилий в вышедшем из-под контроля «Парке юрского периода».

Таким образом, реалии УЖЕ сменили фантастику, а воображение все больше вытесняется оцифрованной конкретикой. Люди еще не превратились в роботов, но уверенно движутся в указанном направлении. В этом свете более понятным становится попытка людей отторгнуть сегодняшнее время. Поглядите на ролевиков, отправляющихся в «рыцарские походы». Жизнь в матерчатых шапках, грубая пища, деревянная посуда, мечи и луки — это не просто пикник и отдохновение, это тоже разновидность бегства. И в этом реализует себя весомая часть сегодняшней фантастики. Бегство от бетон-

но-электрических реалий, от спорных догм, от иерархии ценностей, в которой деньги уверенно взгромоздились на верхнюю полку. И замена «мыслящего океана» Лемма или сталкерской зоны Стругацких на «Место снов» Эдуарда Веркина мало отразилось на сути явления. Место снов, мир компьютерной реальности — именно в это «убежище» бегут описанные автором дети — от сегодняшней школы, от окружающего

прагматизма, от навязываемого взрослым миром предательства. «Терра-инкогнита», параллельный мир, царство грез, — в сущности, нам не важно куда бежать, лишь бы — отсюда. И в этом корень всех суррогатных бед — вроде наркотиков, алкоголя, игромании, самоуничтожения любыми доступными средствами. Картинка не самая приятная, но именно так мы реагируем на действительность, либо сражаясь с ней в триллерах и детективах, либо сбегая прочь на спинах единорогов с драконами, на борту звездолетов и машин, способных пронзть вселенные и время. Очень хотелось бы проголосовать в пользу настоящей доброй литературы, которая примиряет с действительностью, но и здесь приходится признать, что такая литература — удел немногих счастливых Читателей. То самое Племя с большой буквы, которое никак не назовешь массовым. И, увы, среди читающих стран с 27-го места мы спустились еще на много ступеней ниже.

Хорошо помню, как успокаивая ненавистников Гарри Поттера, многие (не без резона!) утверждали: что да, поттериана — не лучшая из литератур, но ведь уже неплохо, что читают! Пусть хоть так, поскольку не читающие врачи, педагоги, политики, бизнесмены, люди иных профессий однозначно слабее своих читающих коллег. Это не мое желание, это уже доводы науки, почти статистика. Но Бог с ними — с профессиональными качествами, — воображение и умение выстраивать из строк видеоряд — это не просто мускулы ума, это много больше. В частности — это способность предвидеть и опереживать, умение ставить себя на место

жертвы, оппонента, глупца и мудреца. Это уважение к родителям, к истории и традициям, поскольку любая литература — изначально носитель традиционного. Сегодняшнее же бытие, будем честны, гнет и ломает традиции, сплошь и рядом демонстрируя небрежение к нашему прошлому. Одноразовые учебники, как одноразовые шприцы, — дань прожорливому времени. Мы не храним вещи, не экономим воду, не

школьной униформы, на чехарде учебных программ, на переименовании школ в гимназии и лицеи. Кипучая деятельность кипучих деятелей! При этом оказались забыты блистательные наработки прошлого — Шаталова и Щетинина, Амонашвили и Сухомлинского. А ведь как врачам, погрязшим в фармакологическом маркетинге, полезно бы припомнить работы Гиппократов (уважавшего голод как лечение дешевое и сердитое), так и нам сегодня, выросшим многомиллионную армию беспризорников, надо освежить в памяти труды Макаренко. Попросту говоря, не

все благополучно в нашем Детском королевстве, — стонут родители, ропщут учителя, но мы упрямо творим свою педагогическую фантастику, и одноразовая политика одноразовых академиков приносит свои невеселые результаты. При этом о старых добрых традициях остается только вздыхать.

Вы спросите: нужно ли смешивать — одноразовое и традиции? Думаю, что стоит, поскольку планета, на которой мы проживаем, отнюдь не одноразовая, и подобное отношение к ней ставит под сомнение весь наш без того навсквозь условный прогресс. Ну, нельзя без конца декларировать щадящее отношение к природным недрам, — пора и что-то, наконец, делать. Это ведь азбука: мир состоит из сообщающихся сосудов, — чем больше берем, тем меньше остается. И если вы ругаетесь, не обижайтесь на эхо, а

бережем одежду, потому что проще и дешевле купить новое. Грустно сознавать, но нас мало чему учит история и почти не пугает фантастика, а посему люди все больше превращаются в потребителей, затягивая за собой подрастающие поколения. Честное слово, нашей Академии Педагогических наук давно пора задуматься, куда же мы движемся и движемся ли вообще, но в этом заведении, видимо, озабочены иными новациями. Впрочем, этих ребят я помянул напрасно. Сегодняшняя Академия Пэ-Эн дает лишь поводы для пересудов и анекдотов. Один лишь показательный пример — отмена в недавнем прошлом четвертых классов. Из третьего — и разом в пятый! Ну, чем не фантастика? То есть, нелепость чуть погодя, устранили, вернув четвертый год обучения, но по стране прокатилась волна фантомных классов. Дети-то определенного возраста как бы существовали, но формально их не было. И четвертый несуществующий класс перешел в пятый, потом в шестой, теперь добрался до десятого. Вот бы повеселился господин Чичиков! Воистину бессмертна его наука! Итогом же имеем парадоксальную ситуацию: уже в следующем году у нас не будет выпускных одиннадцатых классов! Искусственно созданная дыра придется на 2011 год, и вузы уже сейчас трепещут в ожидании пустого набора. Зачем и для чего это делалось, можно только гадать. То есть, наверное, кто-то настряпал под всю эту кампанию космические партии новых учебников и, несомненно, обогатился, как обогатились в свое время на превращении десятилетки в одиннадцатилетку, как обогатились на смене

плюнули против ветра, готовьте платок. Однако это уже совсем иная фантастика, именуемая философией. Тоже, кстати, наука, если кто забыл. Только в свете тотального перевода всего и вся в категорию прикладного — дочь человеческого разума перешла в разряд падчериц. И не стоит заблуждаться, ничего нам не дадут ни нанотехнология (разве что новое оружие и долгожитель-олигархов), ни какие-либо иные ноу-хау открытия, если не будет подвижек в главном. А главное и открывать не нужно — открыто уж много тысячелетий назад. И кроется оно в том, что без духовного роста нет и не может быть никакого иного. Истина до того банальна и бородата, что диву даешься, отчего она не стала до сих пор прописной. А посему давайте согласимся с тем, что настоящая фантастика заключается вовсе не в экстенсивном освоении далеких планет и параллельных миров, — хватит бессмысленных завоеваний, — достало! Настоящая фантастика начнется тогда, когда люди сумеют примирить себя с собственным миром, с собственной жизнью и собственной планетой. Это и будет настоящим прорывом, реальным прогрессом. Собственно, об этом всегда писали в лучших из своих романов Искандер, Лем, Стругацкие, Фаулз, Лукин, Битов, Довлатов, Гришэм, Крапивин, Гранин, Бакланов, Вампилов, Тендряков... — и можно бы еще продолжать и продолжать. Но, увы, именно об этом — писанном-переписанном — мы каждый год и каждое десятилетие благополучно забываем.

Андрей ЩУПОВ,
писатель-фантаст (Екатеринбург)

ДА, ОРКИ МЫ?

Влияние произведений Толкина на мир будет только возрастать, ведь созданные его воображением миры имеют в культуре множество глубоких корней. Поводом еще раз убедиться в этом стало чтение недавно переведенной книги Стрэтфорда Колдекота «Тайное пламя. Духовные взгляды Толкина» (Стрэтфорд Колдекот. *Тайное пламя. Духовные взгляды Толкина*. М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея. 2008. На английском она вышла в 2003 году).

Автор делает особый упор на католичество Толкина: «Тайное пламя»... — это «тайна» Господня, ибо только Он может в самом деле творить. Для Толкина пламя символизирует жизнь и творчество, мудрость и любовь Божью, которая пылает в сердце мира и питает его бытие».

Помимо религиозной составляющей, в книге с хорошим знанием предмета исследования разбираются многие аспекты творчества великого сказочника. «Хоббит», «Властелин колец», «Сильмариллион», двенадцать томов «Истории Средиземья». Какой сложный, глубокий, мудро разработанный мир! Здесь не обойтись одной верой; сказались и огромная эрудиция, и нравственное чутье и могучий интеллект. И все это проникнуто глубокой, подлинной религиозностью.

Истоки религиозной составляющей толкиновского творчества С. Колдекот видит и в особенностях биографии, и в пережитых житейских испытаниях, в кругу друзей и характере научных занятиях. Читать об этом будет весьма увлекательно и для человека, далекого от религиозных споров. Автор убедительно доказывает и показывает, как глубоко религиозного мировоззрения Толкина постоянно проявлялись на страницах его художественных произведений. «Божественная музыка», «эльфийская эстетика», «незримое присутствие в мире Божества», борьба Света и Тьмы — всё озарено тайным пламенем толкиновской веры.

Воображаемый мир Средиземья совместим с христианским мировоззрением, и в основе его также немало трагического. Тем более что и сама культура, в рамках которой (или в порыве преодолеть эти рамки!) был создан «Властелин Колец», глубоко больна, и великие творцы, подобные английскому писателю, глубоко чувствуют эту боль. «Возможно, Толкин стремился к чему-то, чего так и не достиг, но что ясно видел внутренним взором — к поэтическому пересмотру космологии, который вобрал бы в себя современную науку и исцелил бы видением красоты нашу культуру, израненную разделом разума и воображения», — пишет автор книги о нём.

Помимо основного текста, книга Колдекота содержит и ряд приложений, посвященных, например, разбору содержащихся в творчестве писателя архетипов, его социальной теории, отношению к язычеству и другим сюжетам. Среди этих приложений выделяется текст об экранизации «Властелина колец» Питером Джексоном. Опыт его трилогии религиозный критик находит весьма удачным, не зря эти фильмы встретили столь горячий прием по всему миру и всколыхнули

новую волну интереса к творчеству классика жанра.

Да, разумеется, трилогия Джексона не могла передать все богатство экранизируемых книг, в том числе и глубину их религиозно-философского содержания. В принципе, на наш взгляд, такой опыт при экранизации фантастики возможен, но для этого нужен принципиально другой режиссер — вспомним Андрея Тарковского. Но в этом случае говорить о такой зрительской аудитории, как и о бюджетах, выделенных на картины, не приходится. В общем, несмотря на немалое количество претензий к фильмам Джонсона (у всех — разных!), мы согласны с Колдекотом, что экранизация трилогии удалась.

Конечно, для большинства и книги, и фильм — это всего лишь развлечение. И можно оставить богословие богословам, философию философам и т.д. Но после чтения Колдекота хочется размышлять не только о поднятых им проблемах, связанных с прозой Толкина, но и собственной прозе жизни. Например, насколько адекватно воспринят эпос Толкина у нас, в современной России? Почему в отечественной культуре не создано ничего подобного?

Конечно, среди читателей Толкина есть самые разные люди, и это, наверно, замечательно. Можно играть в ролевые игры и/или мастерить наряды-доспехи, тем более, что существует великолепный экранный образец. Но как-то немного обидно, что наши «толканутые» играют в ролевые игры по мотивам шедевра чужой культуры. Создать некий его аналог на русском языке никак не удается. Многие подражатели наши, которые иронично именуют Толкина «Профессором», строчат такой примитив! Объясним, что корявые описания их безблагодатных миров завоевали аудиторию в годы духовной и прочей разрухи 1990-х. Но смириться с этим как-то не получается.

Были и альтернативы. Скажем, опыт первого «Волкодава» Марии Семенович внушал некоторую надежду. Она хорошо поработала с материалом истории и мифологии. Совершенно справедливо, что фантастический мир, претендующий на достоверность, нельзя просто описать в романе, но необходимо проработать в основных деталях, создавая соответствующий контекст, что доказывает: автор фэнтези должен быть и историком, и культурологом. Но только знания мифов, боевых искусств и техники древних ремесел оказалось недостаточным.

«Наша Маша», то есть русская фэнтези оказалась не на высоте именно из-за непонимания философии культуры и

тому подобной «зауми». Поэтому — промежуточный итог — это её общая неудача, поэтому — ничего, даже близко сравнимого по влиянию с книгами оксфордского Профессора. По сути, отечественное фэнтези в массе своей выполняет лишь одну функцию — отвлекает-развлекает, да и то развлеченные эти на уровне фонового прослушивания попысы.

Между тем мы объективно нуждаемся и в разработанном национальном мифе, которому очень поспособствовали бы и хорошая фантастика, и фэнтези, и альтернативная история. Но те, кто у нас этим занимается, за редким исключением, выглядят как дико невежественные хулиганы-беспризорники. Самое большее, на что они способны, это «патриотические фантазии» о волшебном истреблении всех наших врагов поголовно — на земле, в небесах, на море и во всем пространстве Вселенной. Предельный градус их творчества — пошлая, примитивная брутальность. Призывают к борьбе со злом, не имея в сердце Добра.

В этом, если угодно, нет «эльфийскости». Колдекот пишет: «Толкин наделял эльфов качествами, которые в значительной степени соотносил с женщинами, то есть чуткостью, созидательностью, музыкальностью, красотой, неизменной памятью, глубокой мудростью, несокрушимой верностью... Любовь к красоте, которую Толкин символически изображает как любовь к эльфам, ... и, следовательно, к чарам, к воображению, к созиданию теснейшим образом связана с любовью и мужчины и женщины!»

В нашем душевном складе эти эльфийские высоты как будто совсем отсутствуют. Будто идеал Прекрасной Дамы растаял вместе с поэтами Серебряного века, вместе с символизмом. И осталось лишь написать в подражание

Блоку: «Да, орки мы, да азиопцы мы...»

В нас, безусловно, есть орочье, но надо ли на этом так настаивать? Особенно в контексте нашей истории, да и современности.

«Спрашивать, правда ли, что орки «на самом деле» — коммунисты, по мне, не более разумно, чем спрашивать, являются ли коммунисты орками», — пишет автор «Темного пламени». Однако сам Толкин не отрицал, что его сага применима к современным событиям, просто этот анализ требует большей тонкости. Этой тонкости, культурной сложности как раз не хватает тем, кто берется спорить с толкиновской похвалой западным землям и спешит стать апологетом «тьмы с Востока», а также «суверенного» жлобства.

Да, индустриальная, капиталистическая цивилизация современного Запада Толкину враждебна: «Современная наука и черная магия стремятся к одной и той же цели — к власти». К чему это приводит, писатель сам узнал в окопах Великой войны, а затем наблюдая еще не одно порождение Тьмы XX века. Тем не менее, духовное жлобство опаснее засилья техники, авторитаризма и экономических трудностей; основные наши проблемы лежат в духовной плоскости, как говорили раньше, в «бездуховности». Вот и «тайное пламя» толкиновских книг, о котором стоить мастерски повествует зарубежный автор, остается для многих из нас тайной за семью печатями. И мир Толкина, и наша жизнь гораздо сложнее, тоньше, трагичнее, но и светлее. Откажешься воспринимать эту сложность и просветленность, и...

Круг любителей фантастики и фэнтези заметно деградирует, он становится именно *замкнутым кругом*: нетребовательные читатели снижают уровень авторов, авторы рассчитывают на все более примитивного читателя.

Кто же мы после этого? На кого похожи? Неужели на орков? Скорее, если искать аналогии

(очень грубые!), то нашей бывшей державке и оставшимся без нее согражданам ближе будет сравнение с Горлумом. Это, безусловно, трагический персонаж, жутко и несправедливо страдающий, соблазненный призраком всевластия над миром, сумевший даже спасти его в последний момент, но гибнущий в силу своей нравственной порчи.

Жалко эту тварь божью? Жалко! Поделом ему? Пожалуй...

Виктор КОВАЛЕВ,

доктор политических наук (Сыктывкар)

P.S. Редколлегия «БМ» приглашает читателей продолжить диалог о судьбах о современной отечественной и мировой фантастики.

Обретение поколения

Оглядываясь на прошедшие времена, принято с сожалением говорить о «лишних людях» и «потерянных поколениях». Но обычно это происходит уже «задним числом», когда и исправить ничего нельзя, и уроков на будущее извлечь практически невозможно. Поколение, к которому волей судьбы принадлежит и автор этих заметок, очень быстро и жёстко было извлечено от идеальных представлений — или, может быть, действительно иллюзий? — о том, что общество обязано помогать молодым реализовывать себя, свои способности для общего блага. Однако можно ли назвать это поколение «потерянным»? Рождённые в 60-е с начала 90-х трудно, но неизбежно начинали понимать, что общество — это мы, и никто не создаст нам никаких условий — только сами, ровно настолько, насколько сможем выстоять и что сможем выстроить...

Для автора заметок (и одновременно одного из авторов поэтической антологии «Наше время») выход книги дал возможность увидеть своё поэтическое поколение, сопоставить свой опыт и опыт своих прямых современников и получить подтверждение — и поддержку — своим поискам. Сама идея московского поэта Бориса Лукина собрать под одной книжной обложкой поэтов поколения, на чьё духовное совершеннолетие пришёл очередной роковой слом жизни России — объективно заслуживает пристального внимания. Уже хотя бы потому, что вызывает со стороны других поколений весьма характерные реакции.

Вот экспрессивная реплика одного из нынешних студентов Литературного института: «Ужас! Они ностальгируют о том, чего никогда не было!». Вот неожиданная реакция на антологию представителя нынешних шестидесятилетних, преподавателя современной литературы: «А чем, собственно, вызвана необходимость выделить именно это поколение? Что такого особенного произошло в 90-е?» И наконец, представитель поколения 30-летних, журналист, бесстрашно «прогоняющий» своих собеседников на «испытательном радиостенде»: «Да вы, поэты, вообще нахлебники! Вы ведь хотите, чтобы мы вам свои деньги платили ни за что, просто так!» Это одни из первых реакций читателей на «Наше время», услышанные автором заметок. Если ситуацию упростить до схемы и несколько утрировать, всё выглядит довольно забавно: прошлого нет и не было никакого, особенно ничего не было совсем недавно, а сегодня главное — чтобы всякие там проходимцы, и тем более поэты, не покушались на наши деньги.

Так всё-таки — не заметили мы или поскорее захотели забыть, что разрушена великая — равно в силе и в беде — наша страна, что мы потерпели сокрушительное поражение, и пока не признаем этого, будем отступать всё дальше и дальше? «У карты бывшего Союза // С обвальный грохотом в груди // Стою. Не плачу, не молюсь я. // А просто нету сил уйти. // Я глазу горы, глазу реки, // Касаюсь пальцами морей. // Как будто закрываю веки // Несчастной Родине моей...

Это строки Николая Зиновьева из Кореновска. Это оголённый нерв всей книги, но круг её тем не ограничивается болью — в нём, как и в самой жизни поколения, много света, любви, приро-

ды — всего, что по-прежнему, неизменно составляет русскую поэтическую традицию.

Суть традиции, на наш взгляд, — кристаллизация жизненно необходимого духовного опыта в гармоничной, естественной для него форме. Традиция — явление не застывшее, оно живое и изменяющееся, но — по своим собственным, внутренним законам, продиктованным природой, историей, миссией народа. Именно совокупным духовным опытом порождаются и мелодия речи, и круг образов, и неизменная семантика основных символов, глубоко прорастающая в подсознание, и сама форма поэтической речи. Традиция фокусирует в себе жизнеутверждающие смыслы человеческого существования, те, которые практически неизменными проходят через естественные социальные трансформации и позволяют противостоять трансформациям насильственным.

Едва ли впервые в нашей истории с начала «лихих 90-х» происходит попытка подмены, насильственной трансформации культуры, духа чуждыми формами мироощущения и миротворения, чуждыми социальными мифами. И в продолжение (хочется верить, заинтересованного) разговора вокруг антологии автору этих заметок представляется очень важным поставить довольно простой вопрос: не поняли мы или не хотим понимать, **чем** принудительно заменили нам многократно оплывавшие советские мифы о созидательном труде, о братстве народов, о всенародной собственности и власти трудящихся, о превосходстве отечественного заграничным?

Ведь замена-то произошла на мифы по смыслу диаметрально противоположные: о праздности и потреблении, о необходимости рыночных отношений между братскими народами, о безусловном превосходстве всего иностранного перед отечественным. О том, что подлинную демократию могут построить для нас только олигархи, что частная собственность священна, а власть денег абсолютна. И богатства земли принадлежат теперь не тем, кто на ней живёт, а тем, кто их захватывает.

Вы спросите: ну и что? То — мифы, и другое — мифы. В чём разница и где же, наконец, истинная реальность? Социальные мифы так или иначе создают определённый образ мира и формируют принципы существования в нём. Это своеобразная «рубашка жизни», её духовная оболочка. Можно себе представить, каким стихиям открывается душа, насильственно лишённая этой «рубашки», как тяжело приживается — или не приживается вообще — новая оболочка, новая мифология, а тем более противоположная по смыслу. Человек вне определённого социального мифа оказывается совершенно беззащитным перед миром, и вынужден черпать силы и смыслы только в себе самом. Вопрос — насколько этих сил хватит и к чему обращаться в поисках смысла.

Антология «Наше время» концептуально выстроена и составлена Борисом Лукиным как поэтический портрет поколения, оказавшегося между двух мифологических систем. С одной стороны подобная судьба — испытание, в котором по негласной статистике уцелел, как пишет составитель, каждый пятый. Официальной статистики, конечно, нет, и, скорее всего, её никогда и не будет, но жизненный опыт подтверждает эти

страшные цифры. С другой стороны, всё-таки — да, действительно, «счастлив, кто посетил сей мир в его минуты роковые»: поколение получило уникальную возможность ощутить вкус бытия вне социальных мифов, и поэтическое отражение этого бытия — картина уникальная, духовный опыт — бесценный.

Те, кто получает возможность «выйти» за охранительные пределы мифов, понимают, что вся социальная мифология — это «строительные леса», и вопрос только в том, **что** строится — помпезный дворец, жилой (в лучшем понимании этого слова) дом или ночлежка в масштабе страны? Поколение рождённых в шестидесятые на своей собственной жизни ощутило чудовищную разницу между жизнеутверждающими мифами, организуемыми отдельными людьми в народ, в сильную, устремлённую в будущее страну — и теми мифами, которые превращают жизнь каждого в войну против всех ради возможности праздного существования и безграничного потребления.

В реальности страшных испытаний Великой Отечественной войны симоновские строки «Как я выжил — будем знать только мы с тобой» были абсолютно верными: война была открытой, линия фронта — чёткой, смысл самопожертвования — великим, победа — всенародной. Граница между жизнью и смертью истончилась тогда до предела, но физическая смерть была положена во имя жизни, и поныне означает торжество духа.

А вот в конце XX века было совершенно иное. Не война — но именно война. Не физическое уничтожение — но духовное, за которым и физическое следует неизбежно — уже само собой. И о том, чем выжило поколение, на пороге духовного совершеннолетия вступившее в «лихие 90-е», надо бы знать достоверно, и особенно молодым, которые уже освоились в новых, более чем сомнительных мифах настолько, что иных себе просто не представляют. Опыт духовного выживания необходимо увидеть и осознать уже хотя бы потому, что новая «демократическая» мифология прямо противоречит всем генетическим и культурным основам существования нашего народа, и впереди всех нас ждут неслабые испытания. Либо новые мифы окончательно «сломают хребет» народу — и если даже он останется в истории, это будет уже другой народ. Либо придётся в очередной раз менять «рубашку жизни», возводить новые «строительные леса», потому что недостойно на такой прекрасной и щедрой земле, как наша, строить всероссийскую ночлежку для неудачников...

Хочется отметить ещё одну смысловую составляющую антологии как события. Страна наша всё ещё велика, вся она — сплошная провинция, и практически моментальное обрушение поэтических коммуникаций в начале 90-х привело к тому, что поэты рождённые в шестидесятые, выстраивали жизненную и творческую стратегию на свой страх и риск, согласуясь не с прошлым опытом — его обогнали и свели на нет, не с предлагаемым — очевидно чуже-

родным, — но только со своим собственным инстинктом истины, генетической памятью родной культуры.

Чтобы создать цельный портрет поэтов, рождённых в шестидесятые, составитель антологии сделал максимальным её географический охват, сознательно ограничив участие москвичей. Помимо названных городов и весей в «Нашем времени» весомо присутствуют поэтические Ижевск (Вячеслав Ар-Серги) и Челябинск (автор этих строк), Нижний Новгород (Евгений Эрастов) и Новокуйбышевск (Диана Кан), Сыктывкар (Нина Обрезкова) и Советский (Людмила Ветрова), Вологда (Инга Чурбанова) и Рязань (Константин Паскаль)... Но вынужденная дискретность несколько не мешает увидеть, что главными опорами «Нашего времени» остаются Бог, Родина, Природа и Любовь. Главный вопрос к поэзии сегодня не о том, чего она там ещё изобрела эдакого, как изошрилась в форме, какие выразительные средства ввела в обиход, — а о том, как человек в отпущенные ему Богом времена ощущает и осознаёт эти вечные координаты, не утрачивает ли их, не выпадает ли из границ Божьего мира в иное, безблагодатное, смертельно опасное бытие? Остаются ли с ним земля и небо?

Уже почти забыто, что поэзия — не текст, выстроенный «столбиком» и украшенный рифмочками и другими «страшиками». Поэзия — особое состояние, в котором человек выходит за пределы собственного крохотного бытия и переживает свою причастность к бытию Природы и Космоса, черпая в этом новые смыслы и саму жизненную энергию. На этой же онтологической, бытийной оси находятся и Родина, и Бог. Не случайно к Родине и Богу так или иначе обращаются все авторы антологии, ибо крепче этих опор по-прежнему нет.

Тридцать три автора, живущих (цитирую предисловие) «от Сахалина до Краснодарского края, от Челябинска до Питера, от Коми до Югры, от Рязани до Абакана <...> Выстрадавшее право говорить от первого лица, от лица нашего поколения». Обширная библиография, биографии «от первого лица»... Мы — обретенное поколение.

Нина ЯГОДИНЦЕВА

«Благодать необладанья»: о сборнике избранных стихотворений Е. Извариной «Голос и ветер»

Поэзия Евгении Извариной так же пластична, изменчива, пронзительна, как вынесенные в заглавие ее сборника, а также его первой части голос и ветер. Это поэзия неуловимости, поэзия ускользания, поэзия не поддающаяся однозначному определению, мгновенных, безотчетных, инстинктивных, стремительно молниеносных движений мысли, чувства, а главное — ощущения. Такие философские, онтологические категории, как жизнь, смерть, память именно ощущаются поэтом и в этом ощущении, нераздельно с ним осмысляются.

Название сборника, включившего избранные стихи поэта за почти 20-летний период, оказывается символическим и многомерным и отражает сам дух поэзии Извариной, ее ядро. Кроме того, голос в названии сборника — это и традиционная метонимия поэтического дара. Именно в голосе, в особой интонации проявляется индивидуальность поэта. У Извариной голос оказывается свободным, как ветер, ее романтический по природе своей талант можно уподобить ветру, свободному, незримому, мощному, волнующему и продувающему насквозь, до самой души. В одном из стихотворений автор поясняет направленность и своеобразие ведущей стержневой интенции сборника: «Голос и ветер — сквозь и лавиной». Постигание сущностных основ бытия (а на меньшее поэт претендует) совершается мгновенно, пронзительно, озарениями и смысловыми «лавиновыми» «обрушениями».

Слово Е. Извариной постигает бытие через прикосновение к нему. Как будто у этого слова есть локаторы-рецепторы, принимающие из темных подкорковых сущностных глубин миллионы смысловых нейронов, лихорадочно движущихся, сплетающихся в причудливые узоры и расплетающихся в смысловые пустоты и пробелы. Слово это максимально бережно к тому, к чему прикасается, мучимо желанием не упустить стихийного движения, происходящего в мире, не превратить его в статистику, в словесный монолит. Прикосновение позволяет уловить бурление и брожение смыслов, «жизни азбучную вязь». Концепт движения вообще — ключевой для лирики Е. Извариной, установка — смерть. Даже сердце в наполненном напряженной, предельно обостренной тревогой стихотворении, открывающем сборник, призывается к бегу: «Сердце беги не стой», «сердце беги беги». Е. Изварина создает своеобразную «кардиограмму» души, не вмешиваясь рационально, аналитически в единый поток импрессионной и ассоциативной, оставляя в нем пустоты, заполнение которых нарушило бы естественность восприятия, снизило бы экспрессию. Смысловое движение в ее стихах пунктирно, разорвано, смысл мерцает, временами ярко, ослепляюще вспыхивая. Именно отсюда — из стремления сохранить стихийность движения во всей его фрагментарности и дробности — столь частое в стихах отсутствие знаков препинания и не менее частое наличие тире на месте смысловых пропусков.

Прикосновение к этой таинственной «азбучной вязи» жизни осмысляется

автором как особое парадоксальное поэтическое богатство — богатство неудержимого сознательного и сладостного неудерживанья, скольжения по шершавой поверхности мироздания, вдумчивого «притрагивания» к нему:

*Странно —
пальцы разжав,
нежась в легкости курьеза,
ничего не удержав —
уходить богаче креза.*

Характеризуя это же воздушное состояние в другом стихотворении как «благодать необладанья», автор использует слово из церковной лексики. Поэтическое творчество имеет божественную, иррациональную природу. Через мужественный отказ от владения истиной (а можно ли ей владеть вечно изменяющемся бытии, в непознаваемости глубин человеческой души?) и достигается «благодать» — ощущение легкости, прозрачности мира, ощущение Понимания, Прозрения, способность чувствовать всю глубину любви — «пленительной бессмыслицы плечо задевать плечом» и жизни — «недорогого самовластья из воздуха весомые слова брать на испуг и отдавать на счастье». В одном из стихотворений поэт, обращаясь к Господу, утверждает ту же мысль о постижении тайн мироздания через прикосновение, через соприкосновение:

*Господи, тайны все —
в наилегчайшем весе,
в колющемся овсе.*

Е. Изварина стремится уловить «музыку сфер», она спрядает слова, свивает их, наматывая, как на спицу, на читательское сознание, так, чтобы они звучали, передавали эту бурлящую в них музыку, приглушенную и тревожную, не теряя ни звука. Парадоксальным образом (а лирика Извариной вообще полна парадоксов) именно музыка — текучая, неуловимая, антимиметическая субстанция — оказывает сильнейшее влияние на человека, завораживая и опутывая его незримыми, но прочными узлами общности к вечности, к тайне: «из музыки выются узы крепче любых других». Пытаясь хоть на мгновение поймать эту космическую музыку, поэт сам оказывается в ее власти, под ее влиянием создавая стихи «по наитию». Замечательно сказал о поэзии Извариной А. Касымов: «Музыка ловит ловящего музыку».

Общее в поэзии Извариной постигается через частное, личное, субъективное: «отдельно взятая страна» не менее значима, чем «отдельно взятое окно», ощущение ребенка, впервые осознавшего свою смертность проецируются на движение столетий, а процессы, происходящие в мироздании, наоборот, проецируются на такие обычные явления, как вздох, поцелуй, касание. Человек в лирике Извариной какими-то незримыми нитями, связан с вечностью и улавливая ее движение способен вместе с ней «начинаться снова и снова и не кончиться никогда». Время и вечность — одни из главных героев лирики Извариной. Человек в ее стихах ворочается во времени, старается определиться в нем и соотносит себя с вечностью, с Богом, интимно-сокровенные обращения к которому так час-

тотны в стихах поэта. Время у Извариной предстает как «уменьше читать с листа преждее и дальнейшее», ощущать их одновременно, прозревать за частным временем перспективу вечности, разомкнутую в необозримую космическую даль. Временное и вечное переплетны и взаимозаменяемы: «Когда догорели свечи, нам было светло от звезд».

Голос поэта, словно возникает из ниоткуда (часты тире, обозначающие прямую речь в начале стихотворения, но субъект говорения остается неизвестным) и уходит в никуда, но создается ощущение, что он продолжает звучать и после стихотворения — инерционной вибрацией — и «озвучивать» тишину, парадоксально оставляя ее при этом тишиной, так как только в тишине скрыта Истина, «ибо внятны лишь в тишине опыт, сущий не в разговорах». Это некая изначальная тишина, с которой соотносится первородный поэтический звук, не нарушающий ее, но обусловленный ей; это тишина предельная, густая тишина вступления в мир, открытия его во всей незамутненности и остротности взгляда: «тихо будто заново мама родила». Этот оксюморон «озвучивания тишины» проявляет нелинейность, свободу поэтического мышления Извариной. Оксюморонное сближение явлений вообще характерное для ее творчества, проявляясь, к примеру, в таких строчках: «огонь холоднее всего». Границы понятий в ее стихах зыбки, размыты, неотчетливы, подвижны; многообразный и бесконечно изменчивый в своих проявлениях мир не вмещается в рамки строгих определений, стремится разорвать их. В художественном пространстве Извариной свободно сближаются «спички и сухари, паспорт и облака».

Поэт, будто пытается говорить за мировое таинственно-первобытное безмолвие, за вселенское Нечто, выразить «невыразимое», чтоб «не сойти с ума». «Солоноватые слова без автора» являются естественной и органичной частью мирового Космоса и предстают во всей «первобытности неисправимой». Решается практически непосильная задача —

*...говорить о том
как припадают к вискам и цветам
холодным лбом и дрожащим ртом...*

— сохранив при этом и холод лба и дрожание рта, не потеряв ничего, в процессе переработки мира в стихи, его перетворения, соотносимого с творением Бога. Так образ поэта вырастает додемиурга, творящего новую реальность с опорой на активное индивидуальное творческое начало: «пытаешься говорить сама».

Пространство сборника постоянно стремится к расширению, не однажды возникает образ бескрайнего неба. В этом безграничном просторе человек не теряется, а наоборот одомашнивает его. Человек, который однажды «сам себе выстрогал небо и самолет» способен покорить любой простор, ибо он является производным от его творческих потенций, от способности приближать к себе окружающий мир, пропитываться им. Такие покорители пространств, окруженные романтико-геро-

ическим ореолом, появляются, в частности, в стихах о морях («...и корабль плывет — будто кто зовет...»), летчиках («что справа по курсу, что слева...», «в боевых эскадрильях»), военных (из цикла «Военизированная эстафета»). Похожее дело обживания огромного пространства делает и поэт. Питаясь энергетикой миродинамики, поэт с помощью сгенерированной, скомпрессованной духовной энергии способен «тормозить облака рукой» и они, покорные его воле, «останавливаются все».

Поражает в стихах Извариной их смысловая подвижность, постоянные сдвиги, смещения, смены ракурса. Этим стихам противопоставлена заданность, запрограммированность, траектория смысла абсолютно непредсказуема. Колышущаяся материя стиха соответствует незримой материи дыхания, строчки, будто появляются на выдохе, сбивчивом, лихорадочном неровном. А ровным это поэтическое дыхание быть и не может — слишком велика пораженность поэта открывшимся миром, слишком сильно кипение эмоций, чтобы дышать спокойно. Ровное дыхание — знак равнодушия, холодного спокойствия, безразличия, отсюда и призыв лирической героини одного из стихотворений: «ровнее не дыши — не надо».

Стихи поэта разворачиваются в чисто романтических координатах предельности, экспрессивности, чрезвычайности. Только на эмоциональном пределе чувства может проявить себя полностью, поэтому у Извариной, если неволя, то «неволя неволь», если свобода, то «свобода свобод». Через конкретные проявления поэт, словно хочет расшифровать инвариант того, на что направлен его взгляд, будь это жизнь, смерть, любовь, память или что-либо еще. Романтизмом является стремление поэта избавиться от земного притяжения, оторваться от земли, «стать как дождь и корабли», «стать как ветер и вода». Романтизм поэта имеет и национальную «генетику»: не случайно первая часть сборника «Голос и ветер» открывается стихами о России, в которых она предстает по-блочноски таинственной, загадочной, зыбкой, чарующей, полной огромных подспудных внутренних сил, способной перемочь все невзгоды своим вольным, непокорным духом. Россия — «небылица мечта самоволка», «заприятная и вечная («дома нет — загуляла в веках»), страна, с которой «не ладится» даже у Бога.

Неприятность к твердым, монолитным успокоенным в своей бездвижности формам, желание оставить мир и себя в слове в естественной фрагментарности, «не догнать, не стать, не воплотиться, не слиться из кусков» являются ведущими и во второй части сборника — «На лунной половине жизни». Почему на лунной? Видимо, есть где-то солнечная половина, где все видно ясно и отчетливо. Лунный же свет высвечивает не целое, а только его контуры, только некоторые его элементы. Это пространство, в котором можно ощущать свою изначальность, эскизность, неоплотность в твердые формы. Для автора эта незавершенность принципиальна, поэт являет себя через «эхо репетиций», «воск черновиков». Это пространство смещенных ракурсов, где не пыль вбирает дождь, а наоборот. Вышняя логика этого мира в его аллоичности: здесь «одержимые потерей ищут встречи», «одержимые пожаром входят в реку». Поэт здесь определяется,

ОКОНЧАНИЕ НА СТРАНИЦЕ 10 ➔

«Благодать необладанья»:

о сборнике избранных стихотворений

Е. Извариной «Голос и ветер»

⇒ ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТРАНИЦЕ 9

«называется» «прихотью мгновенья» и именно этим обеспечивает себе бессмертие, соотнося пластику своего мироощущения с текучими формами воска, дождя, времени. Высшая его миссия — быть проводником неведомого, которое само выбирает слова, звучащие звонко и упруго, как стрелы, поэт — «колчан, откуда стрелы выбирает неведомый стрелок». Но не оставляют и мучительные сомнения о слишком земной природе слова, о разладе его «недозревшей» формы с тем глубинным содержанием, надвременной мудростью, «столетий скорописью слепой», которую оно призвано выразить («устах младенца слова старика»), о его тяжести, (еще в первой части упоминались «весомые слова») неспособной передать тончайшую легкость открывающегося каждый раз заново мира: «слова — изумленью помеха». Поэтому речь, в отличие от музыки, и «нестерпима богам». Стремление к постижению изначальности наталкивается на «увечье речи» и создает трагически просветленную коллизию преодоления слова, прорастания через него единого бытийственного смысла — «начала начал». В «первобытной полночи», где в нерасторжимом единстве «сплетаются волосы и слова» поэт в «гордой никчемности» творит мир заново, обретая в этом творении истинную свободу.

С кем из предшествующих поэтов можно соотнести Е. Изварину? М. Цветаева с ее рваным синтаксисом, имажинисты с довлеющей тягой к оригинальному сцеплению образных ассоциаций; из современников — наверное, А. Кушнер, Б. Рыжий. В разработке категорий памяти и времени много от И. Бродского. А еще, может быть, — В.А. Жуковский, задавший своей поэзией вопрос огромной глубины и значимости: «Невыразимое подвластно ль выражению?». Думаю, что не будет большой натяжкой, если поставить эти слова эпиграфом ко всему интуитивно-романтическому творчеству Е. Извариной. Тот же Жуковский сказал и другое: «Жизнь и поэзия — одно». Е. Изварина завершает свой сборник стихотворением «Жить и писать». Это и императив, высокая задача, поставленная себе и ставящая в полной трагедии невыразимости и просветленной красоты сотворения через со-прикосновение книге. Как же, по Извариной, должно жить?

Проще и строже.

Выше и старше.

Тоньше.

Дороже.

Но — дальше, дальше!..

Каждое слово здесь многомерно. Необходимость жить «дальше», например, самоочевидна. Но «дальше» здесь — это и желание удлинить перспективу жизни, ее «протянутость», разомкнутость в туманную даль мерцающих дней.

А писать?

Тверже и злее.

Бережней.

Легче.

Тише... Нежнее...

И — меньше, меньше...

«Тверже и злее» — энергичней, динамичней, стремительней, преодолевающая словесную аморфность. «Бережней» — осторожно обращаясь с хрупкой

материей слова. «Легче» — предельно уменьшая ту тяжесть слов, о которой говорилось выше, когда поэту, настроившемуся на один диапазон со стихийным движением жизни, остается только записывать это движение, делать его образно-ассоциативную стенограмму, когда, говоря словами Ахматовой, «просто продиктованные строчки ложатся в белоснежную тетрадь».

«Тише... Нежнее...» — острее чувствовать ту самую изначальную, животворящую божественную тишину, о которой также уже говорилось. «И — меньше, меньше...» — не разминиваться на «проходные», «случайные» стихи, оставляя в слове только то, что «по ночам сгибает плечи», ту метафизику жизни, которая необходимо и обязательно должна быть передана поэтическим словом. Такой вариант расшифровки — только один из многих и он, конечно, далеко не полон. Главное в другом — в том, что Е. Изварина сама вычертила вектор своего дальнейшего развития, тонко и правильно почувствовав «недоучеты» своей поэзии и избавив тем самым от необходимости отстраняться от них подробно. Такой мужественный максимализм спроса с себя, горячее стремление «усовершенствовать плоды любимых дум» лишний раз свидетельствует, что перед нами — подлинный поэт. Таким образом, за многоточием, завершающим сборник открывается новая цепь поэтических вершин, ждущих своего покорения.

Нет сомнений, что Е. Изварина поэт со своим особенным видением (а точнее сказать — прозреванием) мира. Безусловный лирический дар позволяет ей сохранить лирическую суггестию даже в тех стихах, где смысловые пустоты настолько велики, что читательское сознание просто не в силах их заполнить, найти связки, ибо основаны эти связки не на привычной нам логической основе, а, зачастую, на алогизмах, оксюморонах, парадоксах. В определенном смысле Е. Изварина — поэт для поэтов. Достаточно трудно «переводить» ее стихи на критическую прозу, не отпускает ощущение, что при «переводе» терется что-то главное, концептуальное, определяющее, что-то, что только в лирике и можно выразить, передать.

Напряженным усилием своего дара автор удерживает стихотворение на определенном стержне и оно (за редким исключением) не вырождается в аморфный и рыхловатый «каталог образов». насыщенность и даже перенасыщенность текста оригинальными образами, метафорами, фонетической вязью почти никогда не затемняет и не ретуширует чистого взволнованно-напряженного голоса поэта. Будучи одухотворенным природной органикой, стихийностью, естественностью лирического самовыражения текст не превращается в мертворожденную кумуляцию изящных образов. Создание таких стихов требует большого поэтического мужества («мужественными, как сам русский язык» называет ее стихи и Ю. В. Казарин), так как слишком велика опасность соскользнуть в талантливое версифицирование, в языковые «кульбиты». Е. Изварина, остается по-этом, и при всей технической изощренности ее стихотворений они успешно выполняют главную родовую задачу

лирики — выражать универсальные человеческие переживания емко, пронзительно, искренне. Поэзия Е. Извариной открывает перед нами огромные пространства, полные тайн и загадок, которые, наверное, и не нуждаются в разгадке, в расшифровке, ибо, разгаданные, они потеряют свою притягательность и очарование, свою многомерность и возможность бесконечных интерпретаций, никакая из которых не может претендовать на истину в последней инстанции. Важнейшим оказываются не сами слова, а то, что стоит за ними, та тишина, которую они эксплицируют и выносят вовне, то «незаметное отчаянье», которым они порождены. Поэт как будто «проваливается в речь» через «дыры дыханья».

Так в тревожном проговаривании мира, через прикосновение словом к загадкам бытия и души человеческой, к самой сути господнего промысла, к истине, что «всегда в стороне от больших дознанием запойным» рождается выстраданная легкость и свобода поэзии Е. Извариной — поэзии, о которой лучше самого автора не скажешь:

*издалека видать,
и не нужны гаданья:
вся она — благодать
необладанья.*

Константин КОМАРОВ,

Екатеринбург

МИРЫ СЕРГЕЯ ЛУЦКОГО

Вот как удивительно бывает. В небольшом томике прозы настоящей поэзии оказывается больше чем в целом творчестве иных стихотворцев. И дело даже не в малой форме миниатюр и эссе, а в том глубинном и каком-то одномоментном понимании философии всей жизни и ее эмоциональной насыщенности, которые традиционно считаются качествами поэтического творчества.

Со многими миниатюрами Сергея Луцкого, составившими его новую книгу «Параллельные миры», (издательство «Баско» г. Екатеринбург, 2008 г.), знакома была и ранее. Они публиковались и в окружном альманахе «Эринтур», и есть в книге «Ускользящее время», за которую, кстати, Сергей Артемович был удостоен всероссийской премии имени Мамина-Сибиряка. Они внесли свою лирическую нотку в те издания.

Но вот собранные под одной обложкой зазвучали как-то по-новому — пронзительно и ярко, при этом сохраняя тончайшую лиричность.

После прочтения этой книги невольно вспомнились французские импрессионисты, чьи крупные и размашистые мазки при отдалении превращаются в удивительно гармоничные полотна — миры художников.

Так и книга Сергея Луцкого. После прочтения казалось бы совершенно отдельных самостоятельных миниатюр и эссе, с переворачиванием последней страницы — как при удалении на некоторое расстояние от полотна Моне или Гогена, вдруг превращается в неделимое целое — огромный, вроде бы привычный, но такой непостижимый мир.

«Много раз проходил мимо этого обрыва, а на гумусный слой обратил внимание только теперь. Дай бог, если его полоска сверху обрыва составляет человеческую пядь. Все остальное вниз — метры и метры глины.

Несколько тысяч лет минуло, как по здешним местам прошел вал последнего обледенения, стирая все на пути. А возникший после него гумусный слой, эти пережившие за тысячи лет травы, составляет от силы двадцать сантиметров.

Всего!..

Останавливаюсь, пораженный. Насколько ничтожна жизнь, оставившая после себя считанные сантиметры! И как неистребима». («Ничтожна и неистребима»)

Для меня именно эта миниатюра оказалась той самой главной мыслью, которая пронизывает всю книгу. Трепетное восхищение жизнью — свойство весьма редко встречающееся у прозаиков особенно в последнее время. Им бы правду жизни, да такую, чтобы кровь подстывала в жилах и глаза от ужаса расширились...

Надо сказать, что суровость и порой неприглядность обывденной жизни Сергея Луцкий честно и правдиво и иногда даже жестковато раскрывает в своей любимой форме — повести. Взять те же его книги «Варианты Надежды Вилоровны» или «Ускользящее время». Правда и в них любовь и сострадание автора к его героям чувствуются неизменно. Но, герои повестей — люди, и проявление чувств к ним — естественно. А вот герои «Параллельных миров» птицы, домашние животные, деревья, даже брошенный катер и лишь изредка люди. При беглом прочтении может даже возникнуть ассоциация с чарушинскими «братьями нашими меньшими». Но, это только при беглом просмотре...

При глубинном погружении в удивительное пересечение параллельных с нами миров (параллельные где-то должны пересекаться, как утверждал Лобачевский!) возникает цельный, гармоничный образ лирического героя, которым является не только сам автор, а и читатель. Сила этих маленьких произведений такова, что они заставляют вибрировать самые глубинные чистые первородные качества человека. И в резонансном звучании читатель уже по новому видит, слышит и воспринимает такой обывденный и такой непостижимый окружающий его мир природы.

Наверное, уже давно стало общим местом, сожаление о мизерном тираже книг, которым удается перетрясти душу. На такие книги, с горечью приходится констатировать, не находится ни одной лишней копейки, чтобы они вышли тиражом не в 1000 экземпляров, а хотя бы 10000...

А ведь «Параллельные миры» Сергея Луцкого достойны того, чтобы стать настольной книгой не только любителей и ценителей чистого литературного русского языка и русской души, но и для детей. И для них в первую очередь...

Татьяна ЮРГЕНСОН,

Мегион

Дмитрий МУРЗИН

Жизнь похожа на монету...

* * *

Не давай мне, Боже, власти,
Чтоб тираном я не стал,
Да избави от напасти
Капиталить капитал.

Ниспошли смягченье нрава,
Всё, что будет — будет пусть,
Но не дай отведасть славы,
Потому что возгоржусь.

Ничего не надо даром,
Для других попридержи
И большие гонорары,
И большие тиражи.

Дай мне, Господи, остаться
Аутсайдером продаж
И блаженно улыбаться
Раздаривши весь тираж.

Но дрожат от счастья пальцы,
В голове — мечтаний дым:
Сколько же сорву оаций
Я смирением своим.

* * *

Вяло сигарету разминаю.
Не курю. И не прошу огня.
Будто бы не знал — но вспоминаю,
Тех, кто жил на свете до меня.

Как они здесь сеяли-пахали,
Как бывали здесь навеселе.
Как они наивно представляли,
Всё, что будет после на земле.

Вот уж на чужом пиру похмелье,
Вот уж пальцем не туда попал...
Вряд ли они этого хотели,
Ничего-то я не оправдал.

Нет печи. А так — считай Емеля,
Полон весь намерений благих,
Даже помолиться не умею
За безвестных пращуров своих.

Вздвогнув и очнувшись от напасти
Брошу сигарету — баловство,
Задыхаясь от стыда и счастья,
Как Иван припомнивший родство.

* * *

Мы шли с тобой, как ходят только дети,
Ладонь зажав запальчиво в ладони,
Не чуя ни засады, ни погони,
Как водится, забыв про всё на свете.

Мы шли с тобой, как ходят только дети,
В какой-нибудь Шекспировской Вероне,
Как будто бы нас время не догонит,
Как будто нет ни старости, ни смерти.

Впустую и погоня и засада,
Мы знали, что не нужно торопиться,
Мы понимали: всё идёт как надо.

АВТОРА!

Дмитрий Мурзин родился в городе Кемерово в 1971 году. Окончил КемГУ и Литературный институт имени М. Горького. Член СП России. Работает ответственным секретарём журнала «Огни Кузбасса». Живёт в Кемерово. Печатался в журналах «Москва», «Огни Кузбасса», «Наш современник», «Новый Берег», «День и ночь» и др. Лауреат всероссийской премии «Белуха».

Улыбки освещали наши лица,
Мы шли с тобой,
как дождь идёт в Макондо.
Мы просто не могли остановиться.

* * *

За окнами хмуро и сиром,
Уснёшь и увидишь во сне,
Что мир разделён на два мира
В какой-то ужасной войне.

В какой-то продуманной бойне,
В каком-то тумане и мгле...
И колокол на колокольне
Звонит обо всех на земле.

Ты держишь винтовку, как палку,
От страха и злости дрожишь,
Такой близорукий и жалкий
Кого-то убить норовишь...

Окопы, обстрелы и взрывы,
И будет всё именно так,
Пока не увидишь красивый
Пробитый осколками знак:

До вражьей столицы две мили.
И тут же проснёшься без сил,
От счастья, что мы победили,
И ты никого не убил.

* * *

Тридцать семь. Гуляю лесом.
Вместе и душа и тело,
Потому что у Дантеса
Поважнее было дело.

И морозец некусучий,
И снежок какой-то мелкий,
И по сучьям, и по сучьям,
Скачет белка, скачет белка.

Снова варежки забуду,
И в карманах руки грею...
Я не предан. У Иуды
Было дело поважнее.

* * *

Злой я был, когда шатаюсь
Брёл домой по пустырю,
От обиды задыхаясь,
Нарываясь на зарю.

Злой я был, и шёл сквозь темень,
Как идёт из раны кровь,
Проклиная место, время,
И, особенно, любовь.

Ты таким меня застала:
Ярость с пеплом и золой...
Улыбнулась и сказала:
«Успокойся. Ты не злой».

* * *

И когда ты раскрываешь объятя,
снимаешь платье,
Путаешься в чулках,
будто ногу вставляешь в стремя,
Я вдруг вспоминаю, что платье —
китайское, как проклятье:
«Чтоб ты жил в интересное время!»

А когда меня оставляют силы,
Мысли становятся вязкими,
словно тесто,
Я шучу, что поскольку рождён в России,
Интереснее времени
может быть только место.

limita la commedia

Каждый год усталая провинция
Лучших сыновей и дочерей
Посылает, чтобы откупиться,
В главный город Родины своей.

Чтоб найти себе в столице нишу,
Сядут в самолёты, поезда
И покинут город их взрастивший,
Чтобы не вернуться никогда.

Станут кофе пить в кафе на Бронной,
Будут пачкать Чистые пруды...
В сумерках покурят на балконе —
И звезда полей им до звезды.

Край родной повспоминав ночами,
Выбросив от прошлого ключи,
Станут даже больше москвичами,
Чем все коренные москвичи...

Будут на работу торопиться,
И красот Москвы не замечать.
Будут новым жителям столицы
В спину «понаехали» ворчать.

* * *

Жизнь пройдёт, как очередь у кассы
И шепнёт: «Чего-то мне херо...»
Пушечное офисное мясо,
Пассажиры московского метро.

* * *

Купить на кухню табурет.
Писать о том, что лету — амба.
Попав опять в объятя ямба
Настрополиться на сонет.

Порезать мелко виногдет,
Перебирать эстампы, штампы:
Без мотыльков скучает лампа,
И некому лететь на свет...

На небе облака висят.
В подъезде прячется собака.
Я наблюдаю листопад,
Как будто ожидаю знака,
Припоминая Пастернака,
Про то, как в раннем детстве спят...

* * *

Пока не кончатся патроны,
Пока не почернеет ворон,
Мы выстоим. Но наши жёны
Возьмут нас лаской и измором.

Пускай взирают благосклонно
С доски почёта наши лица,
Мы хороши, но наши жёны
Нас знают лучше сослуживцев.

Пусть на заре прихлынут волны,
Поймём, что никуда не деться...
Мы не рабы! Но наши жёны
Похожи на рабовладельцев.

* * *

Когда-то незнакомые слова
Казались мне садовыми цветами,
И ароматы в воздухе витали,
И медленно кружилась голова.

Набравшись не ума, а лишь морщин,
Случается, твержу себе украдкой,
Что, всё же, на одной возрастают грядке
И рододендрон и адреналин.

Забывшись лишь на несколько минут
Вхожу под свод немислимого сада,

Где так, как в детстве,
то есть, так, как надо,
Гортензия с претензией цветут.

* * *

Герой лирический замаливает
нелирические грехи:
— Милый автор!

Отпусти и дело с концом!
— Нет! — отвечает Автор и пишет стихи
Про Ложь в облиии женском
и Неправду, с мужским лицом.

Классический треугольник
вписан в порочный круг,
Стало быть — больше сумерек,
меньше света,

Герой любит Ложь,
Неправда Герою друг...
Что ещё нужно Автору для сюжета?

Символ? Деталь? Лакомство для ума?
Чтобы повествование буйствовало,
кипело
Ложь называет Лирического «моя Чума»,
Приходит и говорит:
«Время твоё приспело».

Герой чувствует себя
бабочкой за стеклом,
Бьётся в стены
своей прозрачной тюрьмы,
Выхода нет, и когда они за столом
Она называет это пиром во время Чумы.

По воле Автора бабочка уходит вразнос,
Стены прозрачной тюрьмы
состоят из трещин,
И в одну из них видны Ложь и Неправда,
целующиеся взасос,
И в жизни Лирического
лжи и неправды становится меньше.

Автор ставит точку. Автора не гнетёт
Вопрос кто станет товаром,
а кто дельцом,
Кто обманет кого, кто кого перевертёт:
Ложь, в облиии женском?
Неправда с мужским лицом?

* * *

Катит шарик скарабей
Из навоза и песка.
Покопаешься в себе:
Всё одно — одна тоска.

Вот усмешка на губе,
Вот чернила, вот февраль,
Покопаешься в себе:
То аптека, то фонарь.

Грибоедов на арбе
Едет Пушкина встречать...
Покопаешься в себе,
И охота закопать.

* * *

Замысел для рассказа стал эпопеей
В двух частях: «Выпивка» и «Закуска».
Просишь короче? Короче я не умею.
Хочешь о грустном?
Что же, давай о грустном.

Сбежал за литром с первого гонорара.
Не приходя в себя стал
«каким-то кем-то».

И под фанфары с запахом перегара
Вносит в культуру
свою нетрезвую лепту.

Угрюмо твердит, что мы —
впереди Европы,
Что нету такого ни в Старом
ни в Новом Свете,
Что накопили изрядный духовный опыт,
Что передать его этим... как его... детям.

⇒ ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТРАНИЦЕ 11

Держит ответ,
не помня о чём спросили.
Будет банкет — всё остальное не важно.
Потом твердит,
что страшно трезветь в России...

А пропивать Россию уже не страшно?

* * *

Жизнь похожа на монету
Аверс там, а реверс здесь.
Счастье есть, а чаю нету.
Счастья нет, а сахар есть.

Ин и янь не уживутся,
Решка заключёт орла.
С голубой каёмкой блюдце
Опустело. Все дела.

Счастья нет и денег нету,
Кошелёк пустой дотла.
Словно из ребра монеты
Эта женщина была.

* * *

Нет, уж лучше эти, с современным
и постмодерном...
Но уж лучше эти, они не убьют хотя б.
Д. Быков

Как бы нам ни стелили,
как бы нам ни спалось,
Лучше — чтобы убили,
чем вот так, как пришлось.

Лучше чем эти невольны-вольные стили
Выгибаны, впадины, пируэты...
Знаешь, как было б надёжно,
если б убили,
А не это, вот так, вот этим, вот через это.

Потому-то пора уходить со сцены,
снимать пуанты, стирать белила,
Объявлять об отказе
участвовать в этом концерте...

Чем, скажите, смерть
вам так сильно не угодила,
Что всё это вдруг
кажется лучше смерти?

* * *

Обмани меня по-простому,
На каком-нибудь ровном месте.
Будто волга впадает в кому,
Отражая бардак созвездий.

А когда буду рвать-метаться,
Улыбнись, и скажи, что поздно,
Обведи меня вокруг пальца,
Заведи и оставь в трёх соснах.

Дай мне вышептать твоё имя,
Подпусти меня близко-близко,
Проведи меня на мякине —
Я устал от твоих изысков.

* * *

Двое спят, заснув на полуслове,
Недоговорив, недошептав,
Переутомлённые любовью,
Пере-пере-пере-перестав.

За стеною замолчала вьюга,
Снег идёт в крошечной тишине,
Спящие в объятиях друг друга
Мирно улыбаются во сне.

Ночь прошла, и посветлело небо,
На пол тень упала со стола.
Он проснулся и ушел за хлебом,
А она проснулась и ушла.

* * *

И думаешь что рай — как тот курорт.
И путаешь уже кусты и кущи,
Лишай стригущий. Бреющий полёт.
А дальше — только хуже, только пуще,
Всё наизнанку, вкривь, наоборот,
Как бреющий лишай, полёт стригущий.

Закат Европы. Сумерки богов.
Не разберёшь,

где стрижено, где брито.
Не разберёшь, где эллины, где бриты...
Не ведаешь ни дна, ни берегов.

Друзей не отличаешь от врагов.
Благоуханье черни, вонь элиты,
Божественной комедии финита,
Жизнь после окончания торгов.

* * *

Лето кончилось. Лето прошло.
Стрекозой отплясало, отпело.
И тревогою душу свело,
И окутало брэнностью тело.

Безотчётное чувство тоски,
И куда подевалась беспечность...
Осень жёлтые носит носки,
И за шиворот капают вечность.

Осень властвует в нашем дворе,
А душа ещё грезит о лете...
В сентябре, октябре, ноябре
Человечек особенно смертен.

* * *

Здесь повторы такие,
Без жеманства и фальши
Что не сгинет Россия,
Коль не сгинула раньше.

Здесь в чести иноземец,
Всяк заморский засранец.
То француз, а то немец.
Или американец.

Здесь пожнёшь, что посеял.
Дышит всё чудесами.
Здесь нырнувший в бассейне
Может вынырнуть в храме...

* * *

Выпавший из расписанья скорый,
Жидкий чай, кроссворд и карандаш.
Всё леса, поля, леса, заборы —
Движущийся медленно пейзаж.

О ненужном радио вещает.
Жарко, душно, как в гриппозном сне,
Сахар в кипятке казённом тает,
Как апрельский запоздавший снег.

Ложечка стучит в железной кружке,
Не трясёт вагон — трясётся мир,
И лежит на верхней боковушке
Умерший от счастья пассажир.

* * *

ад писателя — это лес,
срубленный для его публикаций.

сплошные пеньки до горизонта.

садишься на пенёк,
а он тебе нашептывает
строки твои.

и на какой пенёк не сядешь —
звучит что-то жалкое,
твоё, но жалкое.

и ты мечешься
от пенька к пеньку,
ищешь дерево,
срубленное не зря.

Сергей ДОМБАЙ И ВОЗДУХ НАБИРАЕТ ВЕС...

* * *

В. Бородкину
В глубоком зените колодца
Плетет паутину куржак.
Мы — дети холодного солнца:
Полгода сугробы лежат.
Несем, словно платим налог,
Мороза терновый венок...

Приходят, как белые, ночи,
Цветут — ленинградских короче,
Ломают соломинку льда
Черемуховые холода.
И лето почувший школьник,
Как в галстук красном шиповник!

Ребенок холодного света,
За месяц согрелся земляк.
Но дышит короткое лето
Колодцу в озябший кулак.

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

А нас обернуло порознь
И вместе уже не раз:
Глядит сквозь военную прорезь —
Как целится — детство в нас.

И все эти годы мирные
В глубоких тылах страны,
Мы все еще эвакуированные
Сиротственники войны.

Отчетливо в детство, в отрочество
Вошла — до сих пор видна —
Как общее наше отчество,
Отечественная война.

* * *

Закончен день. Его усталость
Теплела на лице лучом.
О вечном думать оставалось
Или не думать ни о чем.

А ты спешила в сад за сыном.
И это стало, Боже мой,
Твоим всегдашним дефицитом —
За ручку взять, вести домой.

А в сумерках сжималась нежность
Из-за желанья любить.
Когда имеет вечность внешность,
Она должна такою быть!

А ты стоял. Но не молитвой,
В себя глазами погружен.
Ты в очереди за пол-литрой
Стоял с нечаянным дружкой.

А город, типовой и скучный,
Как головою, — кирпичом,
Железом, мусорною кучей —
Прилежно думал ни о чем.

* * *

Мне весело живется!
А почему бы нет?
Скажу — и улыбнется
Мне женщина в ответ!

АВТОРА!

Сергей Домбай — член Союза писателей России, главный редактор журнала «Огни Кузбасса». Автор многих книг стихов. Лауреат Всероссийской литературной премии «Белуха». Живет в Кемерово.

Забуду все печали —
От слов, как от вина,
Глазами и плечами
Хочет вся она!

А там, совсем вначале,
У детского окна,
Меня с утра встречали
И тополь, и сосна.

И потому случилось,
Что в жизни мне везло:
И женщина смеялась!
И дерево росло!

* * *

В. Ковшову
Нищим светом облиты снега,
Заунывно дорога басит,
И тоски золотая серьга
Одиноко над полем висит.

И луна эта мне дорога!
И печаль эта мне хороша!
Раздевается свет донага.
Бедной пищей довольна душа.

НОЧНОЕ ОКНО

Подходит лес к окну вплотную,
И воздух набирает вес,
Сжимая тьму, как будто пресс,
И околесицу ночную.
И в ней, не отыскав ни зги,
Окна стеклянная дыра
На верхней ноте комара
Мозги пытается на изгиб.
Лес, как испуганный мальчишка.
И филин ухаёт притом
В нем сваебойным мо-ло-том,
И эхо скачет, как отдышка.

* * *

Снова мысль о Борисе и Глебе,
Как морозный узор на стекле,
Как два лебедя в стынущем небе,
Посетила глаза в феврале.

Собирает незрячая воля
Снова русский оброк вековой.
И, как зхо народного вопля,
Святополк отыскался Второй.

* * *

Старик. Коляска. Внучек.
Внимают пенью птиц.
Неторопливый лучик.
И суета синиц.

Оставлены вериги
У жизни за горой —
Безжалостный, великий
Буденновский разбой.

Осталась лишь наука,
Главнее всех наук —
Старик, жалея внука,
Сосет пустой мундштук.

* * *

Фили. Россия за спиною...
Фельдмаршал спорам не вредит.
Здоровый лаз прикрыв рукою,
Он через пальцы не глядит.
Для всех его молчанье — время!
Но руку не спешит отнять...
И ветку не торопит время
Плоды зеленые ронять.

БЫТЬ ХОЗЯИНОМ НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

Заметки писателя

Предложение Владимира Николаевича Лошкарева посмотреть комбикормовый завод, который он год назад приобрел в Далматово, говоря по совести, я воспринял без энтузиазма: это означало — оторваться от романа о командоре Беринге, «перелететь» из милого сердцу восемнадцатого столетия в наш суматошный век... А что такое эти «перелеты — туда и обратно», всякий пишущий знает: трудно снова попасть в творческую волну, ухватить за хвост птицу, что зовется вдохновением...

И все же, согласился. Может быть, крестьянские корни в душе зашевелились или курганская земля позвала — с нею столько всего в моей жизни связано. И конечно, последним аргументом стало то, что ехать предстояло вместе с Сергеем Аксененко — моим давним другом, сослуживцем, «литературным персонажем» (рассказы «Праздничная ночь», «Березка», роман «Караул»), а ныне — заместителем генерального директора компании «Татнефть-Урал», возглавляемой Лошкаревым. Сразу вспомнилось, как в 2001 году на старенькой Серегиной «копейке» мы проехали полстраны, а потом втроем — с нами был еще и Владислав Крапивин — написали книгу «Трое в «копейке», не считая зайца Митьки...». Уже тогда намозолило глаза: сколько в России брошенных, некогда пахотных, а теперь — зарастающих молодым сосняком и бурьяном бесхозных земель...

РАЗРУХА В ГОЛОВАХ

«Не с болта сорвались журавли./ Улетая от родины милой./ Хорошо, что пока крыльев нет у земли,/ Хорошо, что колхозник бескрылый...» — пел на переломе советской эпохи мой приятель, пограничный полковник и бард Миша Михайлов.

Увы, в начале 90-х многое «сорвалось с болта». И бывшие колхозники, чьи коллективные хозяйства распались, не выдержав конкуренции с «ножками Буша» и американской соей, «приделали себе крылья» и улетели, кто — на заработки в большие города (многих из таких «гастарбайтеров» до сих пор в передаче «Жди меня» разыскивают, и найти не могут...), кто — при помощи жидкости для мойки стекол убыл в страну «вечной радости»... А земля колхозная, напротив, «обескрылила»: заросла сорняками, превратилась в разменную монету при расчете с потерявшими в «рыночной экономике» стариками и старухами. Они, столько лет кормившие нас, вынесшие на своих плечах и голод, и войны, теперь доживают свой век в избушках, кажущихся еще более утлыми рядом (особенно это заметно в окрестностях мегаполисов) с коттеджными (верней сказаные, дворцовыми) поселками новых нуворишей. Хозяева этих дворцов, представители всех четырех ветвей власти и кумиры из шоу-бизнеса и эрзац-культуры. Многие из них до сих пор считают, что булки на дереве растут, а своим непомерным богатством они обязаны не всему народу, бесстыдно обворованному во время чубайсовско-гайдаровской приватизации, а некой своей избранности...

Владимира Лошкарева при первой встрече я чуть было не отнес к таким вот «новым русским». Мы случайно познакомились в начале девяностых годов прошлого века в сауне одного из военных городков близ Свердловска, совсем недавно ставшего Екатеринбургом. В бане, как говорится, все равны: и генерал, и рядовой! Да и где бы еще могли встретиться миллионер, торгующий нефтью, и немолодой военный журналист и литератор? Внешне Лошкарев на первый взгляд ничем не отличался от распространенного тогда образа — «хозяина жизни»: молодой, с литыми мускулами (как никак черный пояс по каратэ киокушинкай до...), массивная золотая цепь и такое же распы-

тие на груди... Ни дать, ни взять — герой сериала «Бандитский Петербург», правда, без малинового пиджака (это я еще в предбаннике увидел) да и взгляд другой и манеры: такие приобретаются либо многолетним обучением в специальных вузах, типа Оксфорда, или в семье... Позже выяснилось, что за границей Владимир не учился, окончил наш уральский лесотехнический институт, а вот с семьей я не ошибся: мама учитель, отец — главный лесничий в Октябрьском районе Ханты-мансийского округа... Сразу же у нас нашлись и общие темы для разговора: служба в армии, где Лошкарев сделал головокружительную для солдата карьеру — от рядового до старшины, история России и книги...

«Разруха не в подъездах, а в головах...» — процитировал Лошкарев булгаковского профессора Преображенского. И добавил: «Из России я никуда не уеду. Это моя родина, здесь будут жить мои дети и внуки». Запали мне в душу его слова о том, что человек, умеющий зарабатывать деньги, должен научиться их вкладывать в своей стране.

Сегодня никого не удивишь словами о социальной ответственности бизнеса — их, разве что ленивый не повторяет, а тогда мне рассуждения нового знакомого об ответственности за людей, которые работают в его компании, за город, в котором он живет, за страну в целом, показались удивительными.

Но главное — они подтвердились в последствие. За пятнадцать лет, прошедших с тех пор, Лошкарев, действительно, никуда не уехал. Здесь, в России растут и учатся его дети. Здесь он сам защитил кандидатскую диссертацию по экономике и продолжает жить, развивая свое дело. При этом, ставка делается не на торговлю (купить подешевле, продать подороже), а на производство. В Артемовске Свердловской области Лошкарев приобрел разрушенный завод, восстановил его и теперь выпускает трубы для нефтедобытчиков. В Далматово он стал хозяином завода по производству комбикормов... При этом диаметрально изменил вектор развития предприятия, решив уйти от чистой переработки зерновых к замкнутому циклу — от выращивания зерна до его глубокой переработки и реализации готовой продукции. За год работы коллектив завода возрос в пять раз, средняя заработная плата достиг-

ла двенадцати тысяч рублей (она выше, чем зарплата на других предприятиях Далматовского района). В прошлом году начата обработка земель бывшего совхоза «Тамакулово», где уже восемь лет сельхоз работы не проводились, приобретена новая техника, проведен ремонт подъездных дорог и т.д.

— У земли должен быть рачительный хозяин, а не безответственный арендатор, — поделился своими мыслями Лошкарев. — Это же любому здравомыслящему человеку понятно: хозяин вкладывает в производство немалые деньги. Он заинтересован, чтобы оно работало эффективно и прибыльно, чтобы его сотрудники получали достойную зарплату. Хозяин знает, чтобы земля давала наивысшую отдачу необходимо обрабатывать ее от сорняков и болезней, распахивать, вносить удобрения, вкладываться финансово. Арендатор делать все это не заинтересован. Ему проще выжечь все возможное из земли и бросить ее... А у нас... Ты лучше сам поезжай, все на месте и увидишь...

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ

Это не только название народовольческой организации, но и вечный «манок» для русского человека. У древних римлян господствовал другой, как теперь сказали бы, слоган: «Хлеба и зрелищ!», а у нас всегда: сначала все же — воля!

«Я пришел дать вам волю!» — говорит Разин у Шукшина (Василий Макарович, 80-летие которого в этом году пышно отмечали на Алтае, на мой взгляд, всем своим творчеством говорил именно о воле и земле). «На свете счастья нет, а есть покой и воля!» — утверждал и великий Пушкин. Да и у меня, скромного наследника традиционного русского стиха, есть об этом строчки: «В России нет свободы — только воля./ Она одна дороже всех свобод...»

Да, сперва в России — воля. Без нее, без собственной воли, из-под палки, ничего путного не построишь. Свято верю: по-настоящему производителен только свободный труд и притом на своей земле! Потому-то и была всегда матерью для русского человека именно земля. Не река, не тайга, не степь, хотя всего этого на Руси хватает.

Тут достаточно вспомнить мать-сыру землю в былинах и сказках, куда по пояс, а то и по грудь уходили повержен-

ные богатыри, чтобы набраться сил и победить очередного змея, на очередном Калиновом мосту. А еще есть в устной народной традиции хлебопашец Микула-селянинович, особо почитаемый среди заступников земли русской. В землю кланялись, приветствуя почетных гостей, даже государи, обещая самую высокую награду, говорили: «Полцарства в придачу». А царство — это всегда земля.

Землю в вечное пользование обещал своим сторонникам и «государь ампирактор Петр III-й», он же — Емельян Иванович Пугачев (о нем замечательный, к сожалению, последний свой роман «Лобное место» написал и успел опубликовать в прошлом году оренбуржец Николай Корсунов). А взять знаменитую столыпинскую реформу. Какой взрыв созидательной активности она породила, вывела Россию на первое место в мире по производству зерна, льна и т.д. Именно эта реформа сорвала из украинского села Кобеляки моего прадеда, который вместе с четырьмя сыновьями (на каждое лицо мужского пола полагался надел земли) отправился на Южный Урал, ставший потом моей малой родиной... Или тот же «Декрет о земле» — большевики знали, чем зацепить крестьянина!

Что же такого в ней, земле, сокрыто, чтобы и у меня — человека урбанизированного вдруг в стихах вырывалось: «Пахнет дождем, лопухом и навозом./ Там где к подъезду прильнули кусты...» или «Город да это же только деревня, просто забывшая имя свое...» Почему, такой болью отзывается в груди земельное запустение и деревенская разруха («Лодкой без весел родная деревня /В дымке тумана плывет в никуда...»)? И какая же радость, когда где-нибудь на Белгородчине или в Тюменской области встречаются ухоженные поля, желтеют стога, пускают за собой дымный шлейф трактора...

Тут сразу на ум приходит лермонтовское: «С отрадой, многим незнакомой/ Я вижу полное гумно...»

Откуда у Михаила Юрьевича, поручика Тенгинского полка и потомственного барина, в отличие от своего дальнего родственника Льва Толстого ни разу не бравшего в руку литовку, это ощущение родства с землей русской? Здесь, правда, стоит оговориться. У людей военных есть собственное отношение к земле —

БЫТЬ ХОЗЯИНОМ НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

⇒ ПРОДОЛЖЕНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13

близкое к упоминаемому уже быллинному. По себе знаю. Сколько окопов в полный профиль перекопано во время учебы в Курганском военно-политическом училище. Даже в юношеском стихотворении написал: «Раз — лопата, два лопата... /Окопаться дан приказ!..», но финал-то все равно крестьянский: «...пахнет миром, пахнет хлебом, пахнет родиною земля!»

Нет, никуда от нас — крестьянских и не крестьянских внуков, если только мы — русские люди, не уйдет вовеки любовь к родной земле, политой потом и кровью наших предков...

Мы ехали в Далматово по той же дороге, по которой почти семь десятилетий назад проезжала в ссылку семья моего «раскулаченного» деда Ивана. (Об этом я писал в стихотворении «Валенки», в поэме «Сибирский тракт»). Этим трактом я не однажды проезжал в 1988 году, когда был заместителем командира «целинного» батальона (была такая дополнительная нагрузка для воинов советской армии — убирать урожай). Тогда и побывал на границе Курганской и Челябинской областей, где когда-то был хутор моих предков. Ничего не осталось от него — ни бревнышка, ни колышка. Ничего не осталось и от целого поколения коренных земледельцев: ни мой дед, ни пять его сыновей, никто из нас — его внуков не вернулся на землю: навсегда отбили охоту к профессии хлебороба представители комбедов! А сколько таких семей по всей России...

«Хозяйство Лошкарева» — так по-военному окрестил я комбикормовый завод (ДККЗ) встретило лаем караульной собаки и безлюдьем на заводском дворе. Мы с Аксененко прошли к элеватору, где высились горы пшеницы, и только там увидели одного из рабочих, управляющих современным автопогрузчиком.

— Директор в поле. Все остальные на местах, — пояснил он, не отрываясь от работы. — Оно и понятно — горячее время...

По рации Сергей Аксененко связался с диспетчером, сказал, что исполнительный директор Николай Боголюбов подъедет через полчаса, и пригласил меня пройти в заводоуправление:

— У людей на заводе глаза горят: по настоящему делу соскучились... — сказал Сергей.

БОЛЬШАЯ РАЗНИЦА

В здании заводоуправления мы заглянули к главному бухгалтеру. Ирина Ивановна Орлова, в одном лице оказалась и главбухом, и начальником отдела кадров, и делопроизводителем и кассиром. Так с улыбкой представилась она и живо включилась в разговор.

— После окончания Курганского сельского института кем только я не работала: бригадиром и главным зоотехником зверосовхоза, главой сельской администрации, директором швейной фирмы. Пришла на завод еще при директоре Костенко Юрии Ивановиче. Была сначала кассиром, потом бухгалтером. Пережила самые трудные времена, порой оставалась на предприятии совсем одна, не считая охраны...

Орлова рассказала, что первое впечатление от завода у нее было не ахти — все ветхое: кабинеты, оборудование. Казалось, вот-вот и рухнет прямо на глазах...

Завод, на самом деле, не молод: построен в середине 70-х. Тогда он работал в полную мощность с производительностью восемьдесят тонн за смену, обслуживал семнадцать колхозов и пять совхозов Далматовского района. В 90-х годах, несмотря на трудную ситуацию в сельском хозяйстве, завод продолжал производить комбикорма, перерабатывать масличные и крупяные культуры, занимался выращиванием зерна и торгово-закупочной деятельностью. Но потом предприятие вновь сменило форму собственности. По словам Орловой, пайщики стали делить пай и довели завод до разрухи. В таком состоянии его скупил предприниматель из Шадринска, владелец нескольких магазинов. Он приобрел завод не для работы, не для его восстановления, а на перепродажу. Два года завод просто-напросто простаивал, не принял ни центнера зерна, пока его не купил Лошкарев.

— С приходом Владимира Николаевича все переменялось. Завод стал выполнять свои производственные задачи, отремонтировано заводоуправление, приобретена новая техника, со трудники получают хорошую зарплату. Она примерно в два раза выше, чем средняя по району. Люди рады, что им предоставлена работа, трудятся так, что подгонять не надо. За место свое держатся, хотя с трудовой дисциплиной у нас строго. Принимая на работу, сразу предупреждаем: если пьешь, лучше не устраивайся...

Слушая Ирину Ивановну, я вспомнил свою встречу с Терентием Семеновичем Мальцевым — легендарным хлеборобом, народным академиком, дважды Героем социалистического труда. В начале 80-х годов мы оказались рядом за столом президиума областной комсомольской конференции. Мальцев был в валенках-катанках и френче сталинского покроя и поражал своей простотой, скромностью. Он тихо сидел за столом, прихлебывал чай, внимательно поглядывал в зал. Выступали розовощекие комсомольские ораторы, в соответствии с нормами, принятыми тогда, велеречиво славил партию, ее генерального секретаря Л.И.Брежнева. А Мальцев неожиданно заговорил о самом насущном: о бережном отношении к земле, к природе, о падении нравов на селе, о пьянстве среди молодежи...

Рассказ Орловой и мои воспоминания прервал директор завода Николай

Александрович Боголюбов, вихрем ворвавшийся в кабинет. Он был в запяленном камуфляжном костюме и всем своим видом излучал молодую энергию и готовность к действию.

— Поговорим по дороге, — предложил он и повел нас по заводу, рассказывая о нем так, как говорят родители о любимом детище.

— Тяжело было раскатать это производство, — говорил он. — Оно стояло много лет, а перед этим много лет было убыточным. Предыдущие собственники плыли по течению, просто не работали на реальную прибыль, как и прежние руководители завода. Принцип у них, очевидно, был следующим: это не мое, получаю сегодня зарплату и ладно. Когда мы пришли сюда, начали буквально с нуля. Все вроде бы было на месте, но в таком состоянии, что приходилось разбирать все оборудование, вплоть до последнего болта, и заново собирать. До нас модернизаций никаких здесь не проводилось. Бывший собственник и не скрывал, что купил завод для перепродажи. Хуже нет положения, когда в доме, на земле, на заводе нет хозяина, а приходит временщик. У него одна задача быстрее взять лакомый кусочек, положить в карман, затихариться, а потом дожидаться момента и выгодно его продать...

— А теперь, выходит, есть хозяин? — спросил я.

— Есть, — просто ответил Боголюбов. Мы поднялись на верхний «этаж» заводского элеватора, вышли на крышу. Дали зауральские с этой верхотуры видны на много километров: деревни, поля, перелески...

Разглядел я и знаменитый Далматовский монастырь, где в прошлом году мне довелось побывать вместе с Архиепископом Екатеринбургским и Верхотурским Владыкой Викентием. Монастырь до революции был местом паломничества, а сейчас восстанавливается после годов безвременья.

Чуть правее от реконструируемых куполов монастыря — Далматовский районный элеватор.

Боголюбов работал на нем десять лет. Был главным механиком, заместителем главного инженера и заместителем директора по производству. Вообще-то он — местный, далматовский. Предки до седьмого колена, — крестьяне. К своим тридцати пяти годам Боголюбов уже многое повидал и многое успел. После окончания ПТУ работал сварщиком и столяром, окончил Шад-

ринский агропедагогический техникум и Челябинский агроинженерный университет.

Когда Лошкарев предложил ему перейти на комбикормовый завод, Боголюбов пришел сюда со своей командой, «переманив» многих из тех, с кем работал на элеваторе.

— Я брал с собой тех, кого знал, кто разбирается в производстве, кто будет работать. Конечно, сначала очень мешала молва, которая о заводе гуляла по Далматово. Я брал людей под свою ответственность: ты меня знаешь, я отвечаю за свои слова. Пока люди не получили первую зарплату, еще сомневались. Сегодня от сомнений не осталось и следа. Штат завода вырос в пять раз. Кадровой проблемы нет. Есть выбор, кого брать. А сначала проблемы были. Пьянство, например. Некоторые считали, что не грех выпить даже во время работы. Лечили таких просто. Сегодня ты выпил, завтра получи расчет. Особенно действовало, что мы проводили увольнение публично, и тут же принимали на освободившееся место другого работника. Очередь за воротами стоит. Уволил я за год по такой причине всего двоих. Одного — тракториста. Он из села Тамакульского. Ему пятьдесят пять лет, всю жизнь ездил в родной деревне на тракторе и выпивал. Подумал, что и у нас так можно. Когда я его уволил, и принял другого, как отрезало... На селе где найдешь работу, за которую получаешь в месяц десять — пятнадцать тысяч рублей? Техника новая, сольярка есть. Что не работать?

На мой вопрос о лучших, так называемых передовиках, Боголюбов сначала замаялся: мол, трудно назвать таких, большинство людей работает добросовестно. Потом все же назвал несколько имен. Тракторист Сергей Воженин. Он работает у нас с первого дня. Или комбайнер Алексей Воронов. По совместительству он — и сварщик, и токарь. На работу ездит аж за пятьдесят километров. Колхоз, где он раньше трудился, распался, вот и приходится ему ездить так далеко. Он — человек ответственный, знающий. На КАМАЗе работает Алексей Широков, который знает свою машину от и до, работник ответственный и грамотный. Хорошо трудится и начальник охраны Анисимов Роман...

Мы спустились вниз. На заводском дворе несколько молодых рабочих занимались ремонтом стены цеха. Боголюбов пояснил, что у них сегодня делается ставка на молодежь. Сегодня треть всех работающих здесь, моложе тридцати — тридцати пяти лет. Молодой человек, по словам директора, лучше обучаем, и трудиться может с большей отдачей. В уборочную страду всем работать приходится по двенадцать-шестнадцать часов сутки. Так, на самом деле, могут работать только настоящие патриоты предприятия, люди влюбленные в свое дело.

— Здесь по звонку с работы никто не уходит. В сельхозпроизводстве есть такая особенность: если ты начал обрабатывать поле, то должен его закончить. Человек, по сути сам определяет продолжительность своего рабочего дня, решает: работать ему или отдыхать. Ориентируется он и на погодные условия, и на свой заработок, конечно. Я задал вектор: норма для комбайнера — тридцать рублей с гектара. Вам нужны деньги? Работайте. Убрал десять гектаров, получил триста рублей, а если сто — соответственно три тысячи! Сегодня не я рабочих подгоняю, а они

ходят за мной, требуют запчасти, если что-то сломалось. Простой больно бьет по карману каждого...

Мне в глаза бросились разные по величине кучи зерна в глубине двора. Боголюбов пояснил:

— Это зерно наших заказчиков. Мы обрабатываем его и возвращаем владельцу, не смешивая с зерном другого производителя. Крестьянину важно получить именно свое зерно, которое он вырастил своими руками. Сегодня шесть хозяйств везут к нам свою продукцию на обработку и хранение. Мы ее сушим, проверяем на сорность, храним в отдельных кучах. Понятно?

Я кивнул. Почему-то вспомнился сразу шолоховский Кондратий Майдаников с его коровой, которую он не хотел вести в колхозное стадо... А ведь ничего неестественного в этом желании: защитить свое родное, кровное — нет...

Разговор как-то сам собой перешел к волнующей меня теме земли и воли.

Боголюбов поделился своими соображениями:

— С самого начала мы с Владимиром Николаевичем Лошкаревым решили, что будем покупать землю в собственность. И мы покупаем, но не пахотные угодья, а брошенные земли, где уже несколько лет никто не работает. В лучших случаях эти земли служили покосами. Еще скупаем паи у тех, кто давно выехал из села, у старушек и стариков, которые сами не будут землю обрабатывать. Работа с землей она ведь такая. Земля — не радиостанция. Ее в карман не положишь. Она всегда останется на месте, и либо на ней будут работать, либо она будет зарастать. Пока земля находилась в бесхозном состоянии, она не давала урожая, дохода, не приносила никаких денег в бюджеты сельсоветов. Мы оформляем землю в собственность, и мало того, что обрабатываем ее, поддерживаем в плодородном состоянии, но и добросовестно платим налоги в бюджет сельского совета, где вообще до нас никаких поступлений не было. Эти налоги идут тем же бабушкам и дедушкам. Так же мы заинтересованы в поддержании всей инфраструктуры села: ровняем дороги, чиним мосты, хотя бы для того, чтобы нашей технике было удобней ездить, чтобы уменьшить зернопотери при транспортировке. Нынче мы засеяли семьсот гектаров, на будущий год планируем засеять две с половиной тысячи. Через три-четыре года доведем наши угодья до десяти тысяч га. Число работников увеличим до ста человек. Это и есть социальная ответственность нашего бизнеса. Да, что я вас, как соловья, баснями кормлю, поедете, посмотрим...

ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ НАМ ГОТОВИТ...

В старенькой «шестерке» Боголюбова, мчавшей нас к полевому стану, мы продолжали говорить о наболевшем.

По мысли директора завода, в центре государственной политики должна быть деревня. Надо освободить сельского жителя от всех налогов, дать ему заработать. Что сделает крестьянин, когда получит первый доход? Отремонтирует дом, чтобы не стыдно было перед родней и соседями. Со второй прибыли купить сельхозтехнику, увидев, что его труд приносит прибыли. На третий год возьмет машину отечественной марки — профинансирует наш автопром, потом обставит дом ме-

белью и т.д. В любом случае, по мнению Боголюбова, деньги останутся в стране, они будут вложены в отечественное производство, а не перевезены в какой-то заграничный банк.

— Крестьянин по своей природе патриот! Он впитал любовь к родной земле с молоком матери! А государственные мужи словно не знают этого. По сути, на переломе государство бросило сельское хозяйство на разграбление, — говорил Боголюбов. — Внешние управляющие вместо того, чтобы помочь пошатнувшемуся хозяйству встать на ноги, добивают его в течение нескольких месяцев. Раздергивают все, что можно вывезти. Оставляют одни остовы. Вокруг целые деревни умирают. А если родная деревня умерла, если колхозник оставил родную землю, он ни за какие коврижки туда не вернется!

Его поддержал и Сергей Аксененко, который по-командирски четко и немногословно сформулировал, что надо сделать:

— Сегодня от государства нужна ясная сельскохозяйственная политика и чтобы позиции не менялись, как флюгер под порывами ветра... Первое, что, на мой взгляд, необходимо сделать на государственном уровне — освободить всех начинающих сельхозпроизводителей от налогов на пять лет, датировать цены на удобрения и семенной фонд, на нормальных условиях давать технику в лизинг, гарантировать достойные закупочные цены на полученную сельхозпродукцию...

А за окном в это время мелькали руины бывшей фермы бывшего совхоза и первые дома села Тамакульское — печальная иллюстрация строк о русской деревне: «Целою улицей брошены избы, / Окра крест-накрест забиты у них. / Ветер разносит окрест укоризны — / Долгие скрипы калиток больных...»

Пока проезжали село, внешне далекое от тех почти «потемкинских деревень», расположенных у асфальтовых дорог (именно их и привыкли посещать большие чиновники), Боголюбов успел рассказать, как они закупили они новую технику. Техника вообще гордость директора. Еще бы за год на заводе появилось два новых трактора Т-150 со шлейфом орудий: сеялки «Омичка», дискаторы, два новых комбайна «Арос» и «Вектор», еще один трактор МТЗ, протравитель семян, воздушный сепаратор...

Вот с комбайнами и случилась проблема. Приехал Лошкарев покупать их на «Россельмаш» (принципиально и из патриотических, опять же соображений,

закупается только техника отечественного производства), заплатил деньги. А тут случился кризис и завод взвинтил цены на двадцать процентов. При этом была получена дотация у государства, но потратили ее заводчане не на доделку уже заказанной техники, а на выплату зарплаты...

Конечно, в приобретении техники могла бы помочь Курганская областная власть. Тем более что руководство области знает о заводе и переменах, происходящих здесь. Владимир Николаевич Лошкарев встретился с губернатором Курганской области Олегом Алексеевичем Богомоловым. Губернатор одобрил деятельность нового собственника и обещал всяческую поддержку. Но сама область — дотационная. Скажем, в соседней Свердловской области фермер уже через две недели после покупки сельхозтехники получает пятьдесят процентов дотации на свой счет, да еще две трети процентной ставки выплачивается банку, где он брал кредит. У курганцев не только такого нет, но и банковские кредиты даются под тридцать процентов, да еще дилеры накручивают проценты. Словом, техника дорожает почти вполону, и отработать такие деньги практически невозможно...

Каков же выход? Мои собеседники считают, что он в создании полного цикла: от взращивания зерна до конечной продукции — выпечки хлебобулочных изделий. В плане постройки пекарни и мельницы. Уже сегодня взято в аренду шесть озер, где начато разведение промысловых сортов рыбы, для обработки которой планируется постройка рыбоперерабатывающего цеха. По меткому выражению Боголюбова, эти производства — своеобразная подушка безопасности для сельскохозяйственного предприятия, работающего в зоне рискованного земледелия. Ведь возврат вложенных денег в сельском хозяйстве происходит один раз в год (при условии хорошей погоды), а в виде конечного продукта — один раз в три дня. Так, что в неурожайные годы, предприятие вполне сможет продержаться на вспомогательных производствах...

И еще из нашего разговора вынес для себя одно важное замечание: основа сельского хозяйства — грамотный специалист с широким спектром знаний и жизненным опытом (таким, как у самого Николая Александровича Боголюбова или у его заместителя по производству Владимира Алексеевича Орлова). Этот специалист должен пони-

мать и уметь организовать весь упомянутый выше сельскохозяйственный цикл, быть настоящим энтузиастом своего дела, хозяином на родной земле.

Есть у работающих на селе такой термин «стоптать»: то есть убирать хлеб, невзирая на потери, лишь бы пшеница в поле не стояла и нагоняя агроному от высшего руководства не получить. В бытность моей службы в Кустанае, во время двух командировок на «целину» я видел много «стоптанного» хлеба. Видел и валки под снегом, и оставленные пшеничные поля...

Секрет прибылей в сельском хозяйстве скрыт как раз в том, что один «топчет» поле, а другой убирает урожай, относится к земле с пониманием. Разница (зерно оставленное на полях или доведенное на элеватор) и складывается в прибыль или в убыток, определяет плохого или хорошего хозяйственника. У плохого хозяина вся прибыль остается в поле, его хозяйство умирает. У хорошего — предприятие развивается, и урожайность у него не пятнадцать, а двадцать пять центнеров с гектара, хотя, вроде бы такая же техника по полю ходит, и сами поля в одной зоне расположены...

Полезь же российскому государству именно от таких работников, от настоящих хозяев. Логика здесь простая: если хозяйство стало приносить прибыль, оно платит налоги, содержит в достатке своих работников, дает возможность работать и зарабатывать другим специалистам. Скажем, комбикормовый завод взялся за ремонт подъездных путей или восстановление оборудования. Значит, есть нагрузка и для местных производителей асфальта и для поставщиков запчастей. Есть у завода прибыль, активно развивается и благотворительность. Только в этом году пятьсот ветеранов Далматовского района получили от заводчан подарки к Дню Победы, оказана помощь районному военно-патриотическому поисковому отряду «Витязь», который побывал на Псковщине, участвовал в поиске воинов, погибших на Великой Отечественной войне, привез оттуда благодарственное письмо. Это ли не социальная ответственность бизнеса, о которой столько говорится сегодня?

И теперь, глядя, на моих собеседников, я радовался, что есть еще такие люди на земле. Люди, преданные своему делу, любящие свою страну, желающие, чтобы жизнь здесь стала лучше...

К радости моей, впрочем примешивался и горький осадок: остается таких не так уж много. К сожалению, нынче не в чести та самая широота профессиональных познаний, о которой они ведут речь. «Пена» реформ вынесла наверх тех, кого Александр Солженицын и Валентин Распутин называли «образованцами». Высокие и не очень высокие начальственные должности теперь занимают те, кто и слухом не слышал об отрасли, которой поставлен руководить.

Стоило ли отказываться от проверенной временем советской кадровой системы (где, конечно же, были свои изъяны, но все же секретарем райкома партии, отвечающим за сельское хозяйство, не назначался директор швейной фабрики, а армией не руководили люди, не послужившие хотя бы солдатом), не послужившие хотя бы солдатом), не человек во власть продвигался постепенно? Спасет ли наше Отечество,

БЫТЬ ХОЗЯИНОМ НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

⇒ ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13-15

вновь оказавшееся на историческом перепутье, так называемый «президентский резерв»? Позволит ли он сформировать новую управленческую элиту, отвечающую профессиональным и нравственно-этическим требованиям? Ну, да Бог с ней с элитой. На одного с сошкой, в России всегда приходилось семеро с ложкой! Только, кто завтра сядет за штурвалы тракторов и комбайнов, если почти все ПТУ, обучающие этим профессиям, приказали долго жить? К сожалению, вопросов больше, чем ответов.

«ЗА» — ДВУМЯ РУКАМИ

Мы побывали на полеводном стане, поговорили с людьми, посмотрели технику и были приглашены пообедать в автобус КАВЗ, который на время уборочной оборудован под столовую и комнату отдыха для комбайнеров и трактористов. Здесь же на стане простились с Боголюбковым, которого ждали дела, и отправились в обратный путь.

Громоздились на горизонте многослойные облака, то светло серые, то свинцово-темные, то ослепительные белыми. Не зря торопятся в хозяйстве Лошкарева поскорей убрать хлеб — вот-вот накатят дожди. Но пока — хорошо: тепло и сухо.

Мелькали за окном авто сквозные березняки, уже позолоченные дыханьем осени.

— Давай, остановимся, побродим по лесу, — предложил Сергей.

Свернули с трассы на проселок. Вошли в лес. На нас пахло прелым листом и грибами. Мы побрели вглубь, разрывая паутинки, вороша листья и сухую траву — а вдруг и впрямь отыщем какой-нибудь груздь...

Дышалось полной грудью. Воистину, прав Пушкин: прекрасная пора, очей очарованье. Но сказка тут же была нарушена. Мы наткнулись на кучу мусора, чуть подалеже виднелась еще одна свалка, и еще, и еще... Пластиковые бутылки, стекло, тряпки, автомобильные шины, — одно из мест отдыха водителей, проезжающих по Сибирскому тракту...

Очарованья, как не бывало. Снова закопошились в душе «вечные» вопросы: почему мы так не любим свою землю? Ведь любой из тех, кто останавливался и мусорил здесь, такой же россиянин, как мы... Может быть, потому, что все это досталось нам бесплатно, как дар Господа, как наследие наших предков? Не зря же говорится: что легко дается, не ценится!

Снова вспомнились слова моего недавнего собеседника о хозяевах и «временщиках». Подумалось, что по самому большому счету, все мы на этой земле — «временщики». Да, жизнь человека имеет начало и конец, если не думать о вечном предназначении души человеческой, если забыть о Том, чье имя славят колокола Далматовского монастыря, издавна известного своими подвижниками и молитвенниками. Они учат нас не быть «временщиками», строить свою земную жизнь по образу и подобию Его, исповедают хозяйское отношение к окружающему миру, как творенью Божьему.

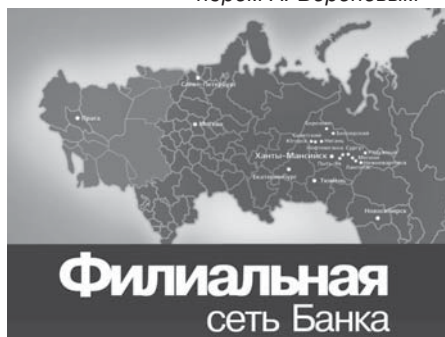
Именно так относились к природе и

к миру люди в прошлые столетия. Скажем, те же герои моего исторического романа, ждущего моего возвращения. Это отношение и помогло им сделать нашу страну великой Державой, совершить бессмертные открытия. Таким бережным отношением к земле славятся и наши более близкие предки — русские крестьяне, кормившие хлебом всю Европу...

Да, Земля, оставшаяся без хозяина погибнет, погибнет и вся жизнь на ней. Особенно это очевидно теперь — в эпоху открытого противостояния добра и зла. Земле нужен хозяин! Под этим утверждением я готов подписаться двумя руками.

Александр КЕРДАН

На фотографиях Сергея Аксёненко: стр. 13 — вид на поля с крыши элеватора Далматовского комбикормового завода; стр. 14 — комбайн в поле; с. 15 — на полеводном стане директор завода Н. Боголюбков и зам. директора «Татнефть-Урал» С. Аксёненко беседуют с комбайнером А. Вороновым

Перечень основных услуг

Основные услуги для юридических лиц:

- Расчетно-кассовое обслуживание
- Установка и обслуживание систем «Банк-Клиент» и «Интернет-Банк-Клиент»
- Валютно-обменные операции
- Банковские гарантии
- Торговое финансирование
- Документарные операции
- Операции с ценными бумагами
- Оказание (осуществление) расчетов по пластиковым картам Union Card, Visa, MasterCard торговых предприятий
- Различные виды кредитования
- Финансовый и операционный лизинг
- Услуги по внешнеэкономическим расчетам
- Зарплатные проекты для сотруднической организации по пластиковым картам Visa, MasterCard и Union Card
- Специальное кредитование сотруднической организации под поручительство кредитных лиц
- Корпоративные банковские карты

Основные услуги для физических лиц:

- Кредитование физических лиц
- Вклады
- Осуществление срочных денежных переводов по системам MIGOM-Югра, Western Union
- Выпуск и обслуживание банковских карт Visa, MasterCard и Union Card, в том числе социальных для пенсионеров, студентов и получателей различных пособий, кредитных карт
- ЗЭМ, т.е. информация для депозитной карт Banca об операциях по карточным счетам (ОКС) по заявке клиента
- Открытия сберегательных и инвестиционных вложений Банка
- Информационные услуги: консультации, консультации по телефону, консультации по почте, услуги дистанционного обслуживания, услуги в Ханты-Мансийском государственном банке, услуга оказания переводов и другие услуги
- Исполнение карт с международными дебетовыми Visa Debit и MasterCard Bankom по заявке клиента
- Перевод денежных средств со счета одной банковской карты на другую карту (внутри и за пределы РФ)

● Предоставление индивидуальных банковских сейфов в аренду

● Расчетно-кассовое обслуживание (открытие текущих счетов, осуществление платежей по текущим счетам, расчеты по инкассо, аккредитивам и чекам)

● Валютно-обменные операции

● Операции с ценными бумагами

● Прием денежных знаков в валюте РФ и иностранной валюте на экспертизу

● Реализация драгоценных металлов и продажа ювелирных монет

● Депозитарные операции

● Банковские гарантии

● Услуги удостоверяющего центра

628012, ХМАО-Югра, г. Ханты-Мансийск
ул. Мира, 38 (34671) 90-800
www.khmb.ru

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ И РЕКЛАМНЫМ МАТЕРИАЛАМ, ПОДАВАЕМЫМ В «БМ»

- Объем: информационных материалов — до 2 тыс. знаков; статей — до 7 тыс. знаков; проза — до 19 тыс. знаков; поэзия — до 7 тыс. знаков. К материалам желателен прилагать фото автора, биографическую и библиографическую справки.
- Вся верстка выполняется на платформе РС.
- Текстовая информация принимается в форматах txt, rtf, doc.
- Векторная графика (рисунки) принимается в форматах eps, cdr. Все шрифты должны быть преобразованы в кривые. Предпочтительный формат Adobe Illustrator.
- Растровая графика (фото) принимается в формате tif и eps. Все изображения в натуральную величину должны иметь разрешение 300 dpi, не содержать посторонних путей и альфа-каналов.
- Материалы принимаются по электронной почте (адрес указан в выходных данных), на дискетах 1,44 Mb, CD.

РЕКЛАМА

Издательство «АсПур»

предлагает авторам (от начинающих до профессиональных) издание книг, брошюр, художественных альбомов: от набора текста, верстки, дизайнерских работ и полиграфического исполнения — до изготовления рекламных и презентационных материалов (афиши и плакаты, листовки, буклеты, открытки и календари с рекламой Вашей книги).

С Вашим заказом будут работать профессиональные редакторы, художники, дизайнеры и полиграфисты.

Обращаться по адресу: 620075, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12.
Телефоны издательства: (343) 371-12-06, 216-11-63, 8-912-22-604-92.

E-mail: aspurizdat@mail.ru

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

№4(23)

ОКТАБРЬ—НОЯБРЬ 2009
АССОЦИАЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА
ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.
РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ
НА ТЕРРИТОРИИ УРАЛА, СИБИРИ
И ПОВОЛЖЬЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Екатеринбург:

Кердан А.Б.

главный редактор, координатор
Ассоциации писателей Урала;

Бриль Ю.Г.

Заместитель главного редактора;

Титов А.Б.

председатель отделения Союза
российских писателей;

Казарин Ю.В.

председатель отделения Союза
писателей России.

Барнаул: *Колесникова Г.П.*

председатель краевого отделения
Союза писателей России

Кемерово: *Козлов В.П.*

председатель областного отделения
Союза писателей России

Киров: *Фокин В.Г.*

председатель областного отделения
Союза писателей России

Курган: *Филимонов В.И.*

председатель областного отделения
Союза писателей России

Муравленко: *Овсянников А.В.*

председатель окружного отделения
Союза российских писателей
Быковский В.А.

председатель окружного отделения
Союза писателей России

Нижегород: *Смирнов Н.П.*

председатель городского содружества
писателей

Омск: *Ерофеева-Тверская В.Ю.*

председатель отделения Союза
писателей России.

Оренбург: *Моисеев В.Г.*

председатель регионального отделения
Союза российских писателей

Пермь: *Соколова Т.Ф.*

председатель областного отделения
Союза писателей России.

Сыктывкар: *Козлова Е.В.*

председатель республиканского
отделения Союза писателей России

Тюмень: *Денисов Н.В.*

председатель областного отделения
Союза писателей России;

Марласов А.М.

президент Тюменской ассоциации
литераторов;

Шамсутдинов Н.М.

председатель областного отделения
Союза российских писателей

Ханты-Мансийск: *Коняев Н.И.*

председатель правления окружного
отделения Союза писателей России.

Челябинск: *Белозерцев А.К.*

председатель областного отделения
Союза писателей России;

Шишов К.А.

председатель организации Союза
российских писателей.

РЕДАКЦИЯ ВЕДЕТ ПЕРЕПИСКУ С ЧИТАТЕЛЯМИ!

Адрес для писем: 620075,

г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12.

«Ассоциация писателей Урала».

E-mail: ursamajor2005@yandex.ru.

Контактные телефоны:

(343) 371-33-70, 371-12-06

© Все права на материалы, опубликованные в издании, защищены законами об авторском праве.

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях и сообщениях информационных агентств. Перепечатка материалов из газеты «Большая медведица» и предоставление справочной информации только по специальному согласованию. При создании логотипа издания использована гравюра из астрономического атласа Яна Гевелия (1512 год). Идея логотипа — В. Дулепов

Тираж 999 экз.

Отпечатано в типографии
ООО «Режевской Типографский Дом»,
г. Реж, ул. Красноармейская, д.49.
Тел. (8-3436) 42-15-32